

КЭРИ

и

ЕГО ТЕОРИЯ.

Изъ всей массы экономистовъ, явившихся въ такомъ изобилии въ теченіи первой половины текущаго столѣтія, Кэри представляется однимъ изъ немногихъ заслуживающихъ упоминанія. Уступая Рикардо и Тюнену въ строгости научнаго изслѣдованія, уступая Смиту въ силѣ дарованія и знанія фактовъ, Кэри въ то же время понималъ, что одно повтореніе старыхъ задовъ на новый ладъ мало принесетъ пользы знанію, и стремился дать въ своей соціальной наукѣ нѣчто самостоятельное.

Самъ онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ не достигаетъ математической простоты и ясности Рикардо и часто является поверхностнымъ и парадоксальнымъ, но его въ то же время выдвигаетъ изъ ряда своеобразность и оригинальность воззрѣнія на вѣстныя существенныя стороны экономическаго вопроса. Въ отношеніи Кэри пришелъ все-таки не съ пустыми руками въ науку и обратилъ вниманіе на такія существенныя вещи, на которыя до него не было обращено надлежащаго вниманія.

По характеру своихъ воззрѣній Кэри является противникомъ Мальтуса и Рикардо и вообще всей школы экономистовъ, въ которой пониженіе производительности земледѣльческаго труда съ развитіемъ населенія составляло несомнѣнную аксіому. По мнѣнію Кэри эта аксіома вытекла изъ совершенно фальшиваго представленія о порядкѣ занятія земель населеніемъ и на-

ходится въ совершенномъ противорѣчїи какъ съ этимъ порядкомъ, такъ и вообще съ естественнымъ развитіемъ другихъ условій жизни. Мало того, аксіома эта была бы, по мнѣнію Кэри, противорѣчіемъ общимъ законамъ природы, которые должны быть одни какъ для физическаго, такъ и нравственнаго міра. Какъ американецъ, Кэри требуетъ прежде всего отъ науки, чтобы она опиралась на положительные законы. Все, что онъ говоритъ въ этомъ отношеніи о методѣ, котораго слѣдуетъ требовать отъ общественной науки, совершенно справедливо и можетъ быть поставлено въ образецъ. Иное—способъ пониманія у Кэри этихъ основныхъ законовъ природы и тѣ сближенія, которыя дѣлаетъ Кэри между этими законами и законами общежитія. Пониманіе Кэри этихъ законовъ поверхностно. Сближеніе между ними и законами общежитія произвольны и мало показательны. Кэри видитъ во внѣшней природѣ гармонію отношеній и ту же гармонію хочетъ отыскать и въ общественномъ мірѣ. Если ея не видятъ здѣсь другіе писатели, то это потому, какъ онъ полагаетъ, что они имѣютъ ложное представленіе ходѣ вещей; если ея нѣтъ здѣсь еще на самомъ дѣлѣ, то къ нему всякомъ случаѣ ведетъ человѣка и общество естественное теченіе вещей. Средство, при помощи котораго положеніе людей стремится къ улучшенію, а интересы ихъ къ гармоніи, для Кэри есть средство формальное, оно заключается въ самомъ устройствѣ внѣшнихъ отношеній. А разрѣшающимъ всѣ противорѣчія началомъ, основаніемъ или формой устройства этихъ отношеній служитъ децентрализація. Чѣмъ болѣе развивается мѣстныя жизнь, чѣмъ болѣе въ ней является движенія и самоудовлетворенія, помимо сношенія съ центральнымъ городомъ, тѣмъ болѣе теряется напрасно времени на передвиженіе продукта на дальняго разстоянія и сокращается потребность въ посредникахъ и въ передвиженіи, тѣмъ болѣе подъ рукой у земледѣльца явятся разнообразныя виды производства, дающіе самому земледѣльцу возможность пользоваться высшими техническими средствами. Вслѣдствіе этого, 1) обработка сырого матеріала вообще. Вслѣдствіе этого, 1) обработка сырого матеріала—точно также; ибо съ готовыми техническими средствами земледѣліе переходитъ съ неблагодарной почвы въ болѣе благодарную почву болотъ и низменностей. Такимъ образомъ, съ развитіемъ децентрализаціи всѣ общественныя отношенія должны удешевляться; а такъ какъ общество начинается съ централизаціи и мало-по-малу двигается къ децентрализаціи, то и общественныя отношенія несомнѣнно стремятся историческимъ порядкомъ къ желанной гармоніи. Такимъ

образомъ, децентрализація составляетъ весь секретъ соціальной науки для Кэри. Къ такимъ утѣшительнымъ выводамъ, по мнѣнію Кэри, неизбѣжно приводитъ науку изученіе общественныхъ отношеній въ связи съ законами естественно-историческими.

Я дамъ теперь отчетъ о томъ, какимъ образомъ означенные выводы вяжутся у Кэри съ основными законами природы, и вообще изложу его взгляды въ той послѣдовательности, въ которой они изложены имъ въ его «Соціальной наукѣ».

I.

Кэри начинаетъ свое сочиненіе съ разсужденія о методѣ, и останавливается на этомъ предметѣ, потому что ни одинъ экономистъ не высказывалъ ранѣе его болѣе вѣрныхъ и зрѣлыхъ мыслей по этому предмету. Въ этомъ отношеніи Кэри требуетъ уже отъ всѣхъ наукъ одного и того же общаго точнаго метода исследования, завершающагося опредѣленіемъ количественныхъ отношеній между явленіями путемъ математическаго анализа. Если еще въ наше время это требованіе кажется для многихъ невозможнымъ, то въ свое время это требованіе со стороны Кэри было смѣлостью.

«Первый человѣкъ», пишетъ Кэри, наблюдавшій день-за-день, хотя бы въ продолженіи одной только педѣли, за восходомъ и закатомъ солнца, легко могъ замѣтить, что восходъ постоянно сопровождается свѣтомъ, а за закатомъ неизмѣнно слѣдуетъ мракъ; этотъ замѣченный имъ фактъ и былъ первымъ грубымъ элементомъ положительнаго знанія или науки. Такимъ образомъ, всякое знаніе начиналось съ наблюденія, было опытнымъ по своему началу. Такое знаніе начиналось однако и развивалось въ произвольномъ или случайномъ порядкѣ, а подчинено было неизвѣстному закону послѣдовательности въ своемъ развитіи. Оно начиналось прежде съ болѣе общихъ и отвлеченныхъ понятій и мало-по-малу переходило къ болѣе частному конкретному.»

Первыми понятіями человѣка наблюдавшаго были идеи пространства, количества, формы. Солнце было очевидно далеко, деревья высоки, а кустарники низки. На этомъ основаніи, науки болѣе отвлеченныя развились и усовершенствовались ранѣе конкретныя. Механика и астрономія ранѣе химіи и физиологии, а соціологія позже всѣхъ. По недостатку наблюденій, склонныя къ спекулятивному мышленію, углубляются въ абстрактное разсужденіе своего собственнаго ума и изобрѣтаютъ теоріи, ко-

торыя выдаются ими за законы міра. Но здѣсь кстати напомнить, говоритъ Кэри, изреченіе: «что человѣкъ не въ состояніи выдумать въ наукѣ ничего, какъ только одну ложь, и всѣ открытія имъ истины суть только факты». Средневѣковые схоластики проповѣдывали теоріи, изобрѣтенныя ихъ предшественниками греками, и только Бэкону первому пришлось возвѣстить міру ученіе, ведущее къ отысканію истины путемъ наблюденія. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени постоянно обнаруживается стремленіе замѣнить мечтанія теоретиковъ тщательными наблюденіями и наведеніями. Затѣмъ явилось желаніе сравнивать разстоянія, количества и величины. Одновременно съ такимъ развитіемъ наблюденія должна была появиться и потребность орудія наблюденія; разстоянія и размѣры во многихъ случаяхъ оказались недоступными для непосредственнаго измѣренія, и вслѣдствіе этого явилась необходимость въ искусственномъ способѣ сравненія разстояній. Такимъ образомъ возникла математика или наука по преимуществу, какъ ее называли греки. «Таблица умноженія даетъ возможность опредѣлять число дней, содержащихся въ извѣстномъ количествѣ недѣль. Столяръ съ помощію аршина опредѣляетъ разстояніе между концами доски. Все это суть орудія, облегчающія приобрѣтеніе знаній. Такое же значеніе имѣютъ и формулы математики, съ помощію которыхъ астрономъ опредѣляетъ величину и вѣсъ тѣлъ, отстоящихъ отъ него на милліоны милліоновъ миль».

Подобныя орудія могутъ быть болѣе или менѣе спеціальными, но общій характеръ ихъ по существу остается тотъ же. Задача такихъ орудій очевидно состоитъ въ томъ, чтобы придать возможную степень точности наблюденію и придти къ количественному опредѣленію отношеній между вещами.

Въ этомъ видѣ развитіе всего человѣческаго знанія для Кэри составляло одно послѣдовательное цѣлое, подчиненное одному тому же наблюдательному методу и зависящее отъ совершенства орудій и средствъ наблюденія и отъ анализа наблюденій, ведущихъ къ опредѣленію количественной зависимости между явленіями. «Математика съ ея анализомъ составляетъ самое высшее и лучшее орудіе, служащее для опредѣленія такой зависимости, а потому всякое знаніе, желая быть точнымъ, настолько лишь должно быть совершенно въ своей точности, насколько оно успѣло вступить въ союзъ съ математикой. Соціальная наука ни чѣмъ не должна отличаться отъ прочихъ наукъ, а потому ей примѣнимы вполне всѣ общія разсужденія, касающіяся наблюдательнаго метода и слѣдовательно неизбѣжной связи математики».

Несмотря на несомнѣнную простоту, естественность и убѣдительность такого воззрѣнія, оно до сихъ поръ не можетъ считаться однако вполне усвоившимся не только въ средѣ людей, недовѣрчиво расположенныхъ къ точному знанію вообще, но и въ средѣ людей, претендующихъ на титулъ позитивистовъ.

Вообще, какова бы ни была вновь высказываемая идея, она можетъ быть понята и усвоена людьми во всемъ ея естественномъ объемѣ и примѣнена съ подобающей широтой. Если ей, послѣ извѣстныхъ усилій, и бываетъ дано право гражданства въ извѣстныхъ предѣлахъ, то все-таки привязанность къ старому заблужденію, потому только что оно старое, порождаетъ со стороны людей непонятное усиліе удержать заблужденіе въ какомъ бы то ни было объемѣ. Такъ было и съ положительнымъ методомъ изслѣдованія Бэкона. Послѣдовательное распространеніе этого метода отъ науки къ наукѣ не обошлось безъ напрасной растраты усилій на сопротивленіе этому методу, безъ задержанія развитія знанія со стороны людей, берущихся за непосильное для нихъ дѣло рѣшенія общихъ вопросовъ.

Такимъ тормазомъ по отношенію къ соціальной наукѣ явился въ первой половинѣ настоящаго столѣтія авторъ «Положительной философіи» Огюсть Контъ. Не обладая ни достаточной разносторонностью познаній, ни, главное, достаточной силой ума, Контъ въ состояніи былъ понять положительный методъ въ тѣхъ чисто эмпирическихъ предѣлахъ, въ которыхъ онъ былъ примѣненъ къ отдѣльнымъ наукамъ въ его время, и эти эмпирическіе предѣлы принялъ за естественно-философскіе и рациональные предѣлы положительнаго изслѣдованія. «Математическій анализъ въ его время примѣнялся къ физикѣ и астрономіи; слѣдовательно, онъ и на будущее время можетъ къ нимъ примѣняться. Но онъ не примѣнялся ни къ химіи, ни къ физиологіи, ни къ социологіи, слѣдовательно онъ къ нимъ непримѣнимъ вообще, и нужно только отыскать объясненіе такой непримѣнимости»: такъ разсуждалъ Контъ.

Само собой разумѣется, что дѣйствительные представители знанія учились положительному методу не у Конта. Само собой разумѣется, что и относительно точнаго метода Контъ вообще не интересовалъ только то, что было высказываемо гораздо ранѣе его и съ большимъ смысломъ со временъ Бэкона, что книга его по ея содержанію вмѣсто положительной философіи точнѣе должна быть названа книгой «Положительной философіи для однихъ наукъ и неположительной для другихъ». Но она все-таки носила замѣчательное, хотя и невѣрное заглавіе положительной философіи; далѣе, она была написана языкомъ популярнымъ и пред-

ставляла цѣльное обозрѣніе системы знанія. Все это дѣлало цѣнной для философовъ и популяризаторовъ третьей руки, имѣющихъ обыкновеніе ограничивать свое философское образованіе одной какой-либо книгой. Все это еще дѣлало ее цѣнной для свѣтскихъ людей, нашедшихъ въ ней руководство, въ которой философія была низведена на степень гостиннаго чтенія.

Въ наукѣ Контъ не имѣлъ поэтому никогда никакого значенія, но имѣлъ и имѣетъ до сихъ поръ вліяніе между популяризаторами и читателями, до которыхъ доходятъ научныя истины и приобрѣтенія изъ третьихъ рукъ. Въ этихъ видахъ Кэри не могъ обойти безъ вниманія тѣхъ своеобразностей, которыя Контъ пытался ввести въ теорію научнаго изслѣдованія того раздѣленія наукъ относительно метода изслѣдованія на двѣ части, которое между прочимъ составляетъ все оригинальное въ Контѣ, весь экстрактъ контовской философіи. Основаніе, вслѣдствіе котораго Контъ не считаетъ возможнымъ пустить единства науки въ смыслъ метода, заключается въ слѣдующемъ: «Въ органическихъ наукахъ элементы извѣстнѣе насъ цѣлаго, и потому въ этомъ случаѣ мы должны идти отъ простаго къ болѣе сложному. Но при изученіи человѣка и общества необходимо слѣдовать обратному методу; человѣкъ и общество, какъ цѣлыя, намъ лучше извѣстны и болѣе доступны для нашего изученія, чѣмъ части, изъ коихъ они состоятъ. При изученіи вселенной цѣлое для насъ недоступно; между тѣмъ какъ при изученіи человѣка и общества трудность заключается въ подробностяхъ. Научное изученіе общественныхъ условій невозможно, если изученіе будетъ производиться по частямъ. Матеріалъ для различныхъ отдѣловъ науки можно заимствовать изъ наблюдений, и даже такого рода наблюденія необходимы, но это ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать наукой. Методическое подраздѣленіе изслѣдованія, которое имѣетъ мѣсто въ простыхъ неорганическихъ наукахъ, совершенно нерационально по отношенію къ наукамъ общественнымъ».

Противъ такого основанія Кэри совершенно справедливо замѣчаетъ, что со стороны Конта такое раздѣленіе наукъ представляетъ шагъ назадъ къ тому, что онъ называетъ метафизической ступенью науки.

Древній философъ точно также сказалъ бы — «эти массы материала извѣстны намъ лучше своихъ частей, изъ которыхъ онъ состоитъ, и слѣдовательно, мы ограничимся въ нашихъ изслѣдованіяхъ вопросами: почему онъ имѣетъ свою теперешнюю форму и отчего занимаютъ свое настоящее положеніе». Но божественнаго анализа точно также нельзя изучить и узнать

камня, проникнуть въ подробности данной горы, какъ нельзя узнать природы общества, наблюдая его въ его цѣломъ, въ поверхностномъ видѣ. Условіе это не есть ничто особенное, свойственное какому-либо отдѣлу бытія, а условіе общее, коренящееся въ нашихъ средствахъ познания. Мы не имѣемъ возможности, вообще, отъ цѣлаго приходить къ познанію подробностей не потому, чтобы такой путь былъ безусловно невозможенъ, но потому что то, что мы въ этомъ случаѣ называемъ знаніемъ цѣлаго, не есть вовсе таковое. Если бы мы знали дѣйствительно цѣлое, то мы въ то же время неизбѣжно знали бы и всѣ подробности, ибо первое немислимо безъ послѣдняго. Но дѣло въ томъ, что то, что мы обыкновенно принимаемъ за знаніе цѣлаго, есть только отвлеченное представленіе или итогъ, выведенный нами изъ предварительнаго знанія ряда подробностей, но крайне бѣднаго и недостаточнаго ряда подробностей, такого ряда, который могъ быть полученъ путемъ поверхностнаго и непосредственнаго наблюденія. Знаніемъ цѣлаго въ такой формѣ и предѣлахъ обладала метафизика, и ея методъ состоялъ именно въ предположеніи, что она отъ такого цѣлаго можетъ переходить къ знанію подробностей. Совершенно ту же способность признаетъ Контъ за науками общественными и поэтому, самъ того не замѣчая, рекомендуетъ для нихъ методъ метафизическій во всей его чистотѣ и неприкосновенности. Для метафизиковъ, которые воображали, что такіа представленія цѣлаго не суть итоги предварительнаго наблюденія подробностей, а врожденныя истины, было простиительно надѣяться изъ врожденныхъ идей дойти до открытія подробностей явленій. Но для философа, который разъ долженъ былъ знать, что какія бы то ни было представленія цѣлаго суть только результаты обобщенія предварительно узанныхъ подробностей, рѣшиться утверждать, что какабъ бы то ни была наука можетъ надѣяться узнать подробности явленій, исходя изъ непосредственнаго представленія цѣлаго и построить то раздѣленіе наукъ, какое сдѣлалъ Контъ, — это было окончательнымъ доказательствомъ философской неспособности мыслителя.

Въ этомъ отношеніи Контъ былъ дѣйствительно плохимъ философомъ, но онъ былъ вѣрнымъ комментаторомъ положенія своего метода въ его время: занасъ точныхъ наблюдений, которыми располагало то время, въ сферѣ общественнаго знанія было столь ничтоженъ въ самыхъ естественныхъ наукахъ; опредѣленіе количественныхъ отношеній и приложеніе математическаго метода столь ограничено, что распространеніе этого ме-

тогда на всѣ отдѣлы знанія естественно могло представляться обыденнымъ умамъ мало вѣроятнымъ.

Контъ даже не создалъ поэтому того дѣленія, которое проповѣдывалъ, а взялъ его готовымъ изъ господствовавшихъ въ его время обыденныхъ представлений. Много будетъ сказано, что онъ рѣшился принять такое заблужденіе не-спроста, а увлекшись основаніемъ, которое не имѣло въ сущности серьезнаго значенія.

Основаніе это, какъ мы могли видѣть, — если перевести его на болѣе точный языкъ, — заключалось въ ограниченности нашихъ чувствъ, какъ средствъ наблюденія извѣстными предѣлами. Для этихъ чувствъ недоступно въ ихъ невооруженномъ видѣ ни слишкомъ малое, ни слишкомъ великое, ни слишкомъ отдаленное, ни слишкомъ близкое. Человѣкъ съ его соціальной сферой принадлежитъ къ той именно серединѣ, по мнѣнію Конта, въ которой наши чувства могутъ наблюдать сложные явленія въ ихъ цѣлости.

Но дѣло все-таки не въ одной возможности обнимать наблюденіемъ явленія въ ихъ цѣлости, а въ томъ, въ какой мѣрѣ наше наблюденіе и тутъ можетъ быть достаточно для количественнаго опредѣленія отношеній между явленіями. Такой точностью не могутъ похвастать наши чувства относительно какихъ бы то ни было явленій, можемъ ли мы ихъ наблюдать по частямъ, сразу, или не иначе какъ въ связи съ другими. Если же наши непосредственныя наблюденія и здѣсь не могутъ быть достаточно точны, то они и не могутъ служить основаніемъ для точныхъ выводовъ въ томъ случаѣ даже, еслибы сумма наблюденныхъ фактовъ была сама по себѣ достаточно для какихъ-либо точныхъ выводовъ.

Дѣйствительно, помимо замѣчанія, сдѣланнаго по поводу того основанія для раздѣленія наукъ, Кэри не нужно много проницательности, чтобы убѣдиться, что такое основаніе совершенно ложно.

Если рѣчь идетъ о цѣломъ въ строгомъ смыслѣ, то кто же когда наблюдалъ или изучалъ такое цѣлое? Ни міръ вообще, ни міръ физическій, ни міръ нравственный или общественный, то-есть жизнь человѣчества въ его цѣлости одинаково не доступны нашему наблюденію. Утверждать противное значило бы утверждать очевидную ложь. Если же подъ цѣлостью явленія Контъ разумѣетъ цѣльность относительную, то всякая наука, какова бы она ни была, минералогія, ботаника, химія или социологія начинаютъ съ изученія явленія въ его цѣльномъ видѣ. Будетъ ли это камень, растеніе или общество, знаніе пред-

каго начинается съ разсмотрѣнія его внѣшнихъ свойствъ, наиболѣе доступныхъ наблюденію формы, цвѣта, величины, твердости и упругости. Но ни одно знаніе не ограничиваетъ изученія такимъ внѣшнимъ изслѣдованіемъ, а въ то же время переходитъ къ подробностямъ и становится тѣмъ совершеннѣе и точнѣе, чѣмъ болѣе въ нихъ углубляется. Такимъ образомъ, различіе, придуманное Контомъ, въ сущности вовсе не существуетъ, или оно существуетъ только въ его воображеніи.

«Для насъ было бы невозможно, пишетъ Кэри, проникнуть въ подробности отжившихъ обществъ, если бы мы не жили сами среди обществъ, состоящихъ изъ людей, надѣленныхъ тѣми же свойствами и чувствами, какія существовали у древнихъ. Намъ необходимо сперва изучить подробности окружающей насъ жизни, начиная анализомъ и восходя до синтезиса, какъ это дѣлаетъ химикъ, разлагая кусокъ гранита. Узнавъ, что гранитъ состоитъ изъ кварца, полевого шпата и слюды, и тѣ обстоятельства, при которыхъ минералъ появляется въ данной мѣстности, онъ приобретаетъ полную увѣренность, что гдѣ бы въ другомъ мѣстѣ ни былъ найденъ гранитъ, его составъ и положеніе въ ряду формаций будетъ то же самое. Желая уразумѣть прошедшую исторію человѣка или исторію отдаленнаго отъ насъ народа, мы должны начать съ изученія настоящаго, и когда мы овладѣемъ его прошлымъ и настоящимъ, то можно уже предсказать будущее. Для этого мы должны поступать съ обществомъ, какъ химикъ поступаетъ съ кускомъ гранита, разлагая его на части и изучая каждую часть особо; мы должны изслѣдовать, каковы были бы дѣйствія человѣка, если бы онъ былъ предоставленъ самому себѣ и сравнить эти независимыя дѣйствія съ тѣми, какія есть на самомъ дѣлѣ въ обществѣ; затѣмъ, съ помощью того самаго закона, которымъ пользуется математика, физика и физиологія, то-есть съ помощью закона сложения силъ, мы можемъ вывести законъ явленій. Но поступая такимъ образомъ, мы отнюдь не слѣдуемъ уже по пути Конта, который указываетъ на отдаленное неизвѣстное, — древнія общества, — какъ на средство для пониманія дѣйствій окружающихъ насъ людей и для предсказанія того, какими они будутъ въ будущемъ. Вслѣдствіе этого извращеннаго и ложнаго метода, Контъ необходимо приходитъ къ выводамъ прямо противоположнымъ прогрессивному движенію мысли; онъ походитъ на врача, который бы ограничился наружнымъ изслѣдованіемъ пациента, не заботясь о состояніи его печени, желудка и легкихъ. Его система социологій не можетъ объяснить прошлаго и, слѣдовательно, не можетъ быть употреблена для руководства въ будущемъ. Это про-

исходить оттого, что онъ отказывается для социологическаго метода точныхъ наукъ, по которому слѣдуетъ изучать близкое, съ цѣлью уразумѣть отдаленное, — настоящее, чтобы уразумѣть прошлое и предсказать въ будущемъ тѣ событія, которыя неминуемо произойдутъ въ немъ отъ подобныхъ же причинъ.

«Если наука одна и нераздѣльна, то и методъ изученія долженъ быть одинъ. Справедливость этого въ отношеніи всѣхъ наукъ, лежащихъ въ основаніи социальной науки, физики, химіи, физиологій, не подлежитъ никакому сомнѣнію въ настоящее время. Но существованіе такой тѣсной связи сдѣлалось очевиднымъ въ весьма недавнее время. Съ каждымъ новымъ открытіемъ это сближеніе становится тѣснѣе. Приобрѣтая съ каждымъ часомъ все большій и большій контроль надъ силами природы, человѣкъ становится возможнымъ жить въ болѣе тѣсной связи съ другими людьми, заготовлять большій запасъ пищи и одежды, совершенствовать свой образъ жизни и дѣйствій и давать лучшее образованіе послѣдующему поколѣнію.

«Знаніе, ведущее къ такимъ результатамъ, должно служить основаніемъ для социальной науки и орудіе, столь успѣшно служившее для возведенія основанія зданія, не можетъ не оказаться столь же пригоднымъ при постройкѣ самого зданія.

«Къ социальной наукѣ необходимо прилагать математику, какъ она прилагается теперь ко всякой отрасли изслѣдованія, и чѣмъ болѣе примѣняемъ мы ее, тѣмъ болѣе наука принимаетъ форму реального знанія».

II.

Таковы вступительныя разсужденія Кэри относительно положенія социальной науки въ ряду остальныхъ и метода ея изслѣдованія. Противъ такихъ разсужденій едва ли что можно возразить. Объяснивъ такимъ образомъ свой образъ воззрѣнія на эту сторону предмета совершенно ясно, Кэри переходитъ къ объясненію настоящаго положенія науки и къ постановкѣ своей задачи, — задачи, рѣшеніе которой должно лечь въ основаніе социальной науки и составить предметъ ея изслѣдованія.

Законъ Мальтуса, говоритъ онъ, былъ первымъ примѣромъ приложенія математическаго приѣма къ социальному изслѣдованію. Если бы онъ оказался справедливымъ, то политическая экономія приобрѣла бы точность, которой она не имѣла. То же самое можно сказать о знаменитой теоріи ренты Рикардо. Упомянутый въ обоихъ случаяхъ методъ былъ правильнымъ,

собственно говоря, примѣненіе его и выдвинуло этихъ двухъ писателей въ разрядъ первостепенныхъ экономистовъ. Хотя они и впали въ заблужденіе и сдѣлали невѣрный выводъ, но это нисколько не должно уменьшать въ нашихъ глазахъ значеніе метода, говоритъ Кэри.

«Въ противоположность означенной теоріи можетъ быть высказано совершенно иное разсужденіе: въ ранній періодъ общественаго устройства, когда земли много, а людей мало, трудъ непроизводителенъ, и изъ небольшого количества произведеній землевладѣльцы берутъ весьма значительную часть. Въ итогѣ же доходъ ихъ все-таки незначителенъ, такъ что и работники, и капиталисты бѣдны. Но съ увеличеніемъ народонаселенія самъ трудъ становится производительнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвышается и доля работника; такимъ образомъ обнаруживается стремленіе къ установленію равенства состояній».

Оба мнѣнія — мнѣніе Мальтуса и только что выраженное стараясь очевидно социальный вопросъ въ зависимость отъ того отношенія, которое существуетъ между средствами существованія и властью человѣка; между почвой и производительностью труда.

Каково это отношеніе въ дѣйствительности, этого нельзя рѣшить а priori никакимъ образомъ. Для рѣшенія этого вопроса очевидно нужно предварительное знаніе химіи, физики, физиологій, механики и пр., словомъ, законовъ природы, которымъ подчинена совокупная дѣятельность почвы и человѣка въ отношеніи производства пищи. Окончательное рѣшеніе этого вопроса должно выразиться математической формулой, которая опредѣлитъ количественное измѣненіе производительности труда въ функціи отъ населенія, а пока такого рѣшенія нѣтъ, до тѣхъ поръ немыслима социальная наука.

Между тѣмъ химія и физиологія, продолжаетъ Кэри, сами возникли весьма недавно, и еще менѣе могла развиться социальная наука, какъ болѣе другихъ зависящая отъ ранѣе ея возникшихъ наукъ, какъ самая трудная по собиранію и анализу фактовъ, и слѣдовательно позднѣйшая по времени своего появленія. Притомъ, въ сравненіи съ другими науками она терпѣла еще одно весьма существенное неудобство. Занимаясь отношеніемъ человѣка къ человѣку, она всегда встрѣчала противудѣйствіе тѣхъ, которые стремились достигнуть власти и привилегій на счетъ своихъ ближнихъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ социологія не могла возвыситься до сихъ поръ до степени науки, а походила болѣе на астрономію халдейскихъ пастуховъ, чѣмъ на дѣйствительное знаніе.

«Наука требуетъ законовъ, говоритъ Кэри, а законы суть

универсальныя истины. Но гдѣ же въ социальной наукѣ такое положеніе, которое было бы всѣми признано. «Столѣтіе тому назадъ считали, что сила народа возрастаетъ съ населеніемъ; потомъ стали доказывать, что возрастаніе населенія приноситъ съ собою истощеніе. Изъ учениковъ Мальтуса и Рикардо едва ли двое согласны во взглядахъ на теорію своихъ учителей. Усерднѣйшіе сторонники отмѣны стѣсненій въ торговлѣ суеверно принадлежатъ къ числу рьянѣйшихъ противниковъ свободы торговли деньгами; а восторженнѣйшіе друзья конкуренціи въ продажѣ товаровъ суть рьянѣйшіе противники конкуренціи относительно торговли временемъ и искусствомъ работника. Писатели, учащіе о невмѣшательствѣ правительства въ дѣло надзора за распространеніемъ знанія, суть въ то же время самые рѣшительные сторонники вмѣшательства, когда дѣло идетъ о мѣрахъ, ведущихъ къ войнѣ и разоренію. Однимъ словомъ, тутъ все до крайности сбивчиво и ничего нѣтъ установившагося. Міръ смотритъ на это спокойно, ожидая того времени, когда ученые согласятся между собой, чему же наконецъ слѣдуетъ вѣрить».

Между этими предметами споровъ и противорѣчій, наполняющихъ социальную науку, вопросъ объ отношеніи между возрастаніемъ средствъ и населенія, вопросъ о производительности труда или отношенія почвы къ человѣку, составляетъ основной вопросъ для социальной науки, отъ разрѣшенія котораго зависитъ все ея направленіе. Поэтому устраненіе перечисленныхъ разнорѣчій въ социальной наукѣ должно начаться съ этого вопроса, и этому-то вопросу собственно Кэри и посвящаетъ все свое сочиненіе.

Мальтусъ смотрѣлъ на него своимъ образомъ, Кэри принимаетъ другое возрѣніе, противоположное Мальтусу. Свое возрѣніе Кэри считаетъ болѣе справедливымъ прежде всего потому, что оно кажется ему болѣе согласнымъ съ общими законами природы, чѣмъ возрѣніе Мальтуса.

Предметъ социальной науки составляетъ человѣкъ, какъ существо общества. Наравнѣ со всѣми остальными животными онъ требуетъ пищи, но главную его потребность составляетъ сообщество съ другими людьми. Появляясь на свѣтъ слабѣйшимъ и беззащитнѣйшимъ изъ всѣхъ животныхъ, онъ въ дѣтствѣ нуждается въ наибольшемъ попеченіи, а самую одежду ему должны доставлять другіе, тогда какъ о птицахъ и животныхъ позаботилась сама природа. Будучи въ состояніи достигать высшей степени знанія, онъ появляется на свѣтъ лишеннымъ даже тѣхъ инстинктовъ, которые научаютъ пчелу, паука и пр. строить

свои жилища. Находясь въ зависимости отъ опытности другихъ относительно приобрѣтенія знанія, онъ нуждается въ языкѣ для передачи другимъ своихъ наблюденій. Но языкъ немислимъ безъ существованія общества; и дѣйствительно, мы нигдѣ не находимъ человѣка, живущимъ одиноко.

Великій законъ молекулярнаго притяженія является такимъ образомъ, по мнѣнію Кэри, необходимымъ условіемъ для существованія человѣка. Необходимость заставляетъ человѣка тяготѣть къ другимъ людямъ. И чѣмъ больше людей находится въ данномъ мѣстѣ, тѣмъ сильнѣе обнаруживается притягательная сила такого центра, «какъ это доказываютъ величайшіе города древняго міра: Ниневія, Вавилонъ, Аѳины, Римъ».

Но если это такъ, почему же всѣ люди не стремятся сойтись въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ земного шара? Это происходитъ, говоритъ Кэри, на основаніи того же всеобщаго закона, который поддерживаетъ порядокъ въ окружающемъ насъ мірѣ. Каждая частица вещества, кромѣ общаго центра притяженія, имѣетъ свой мѣстный центръ притяженія. Если бы его не существовало, луна упала бы на землю; земля упала бы на солнце, и всякая жизнь прекратилась бы въ тѣхъ пространствахъ, въ которыхъ она теперь происходитъ. Точно также и въ обществѣ. Централизующее стремленіе главнаго города значительно нейтрализуется существованіемъ противоположныхъ центровъ и маленькихъ городовъ. Уничтожьте эти второстепенные центры, — и главный городъ будетъ возрастать въ ущербъ мѣстной жизни. Въмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показываетъ повсемѣстный опытъ, будетъ падать сила мѣстной ассоціаціи, уступая мѣсто принудительной центральной ассоціаціи съ завоевательными цѣлями.

Страницы исторіи, по словамъ Кэри, самымъ очевиднымъ образомъ доказываютъ, что склонность къ ассоціаціи всюду возрастала съ увеличеніемъ числа и силы мѣстныхъ центровъ притяженія. Такіе центры существовали въ древней Греціи. Мѣстная ассоціація достигала здѣсь такихъ размѣровъ, какъ нигдѣ прежде; вмѣстѣ съ тѣмъ проявилось стремленіе къ центральной ассоціаціи въ учрежденіи олимпійскихъ игръ и Амфиктіоннаго союза. Къ сожалѣнію эта послѣдняя проявилась однако недостаточно рѣзко. Притягательная сила солнца этой системы не въ состояніи была поддержать порядокъ въ движеніи планетъ, которыя поэтому часто соскакивали съ своихъ путей и наталкивались другъ на друга; результатомъ такихъ столкновеній было учрежденіе центрального управленія. Съ этихъ поръ народонаселеніе городовъ потеряло всякую охоту къ ассоціаціямъ и стало искать правосудія въ Аѳинахъ. Изложенныя условія управ-

лѣютъ веществомъ во всѣхъ его формахъ — уголь ли это, дѣло или люди. Въ справедливости всего этого читатель можетъ убѣдиться, если подумаетъ о тѣхъ выгодахъ, которыя онъ получаетъ изъ ассоціаціи съ собою подобными. Онъ убѣдится, что способность къ прогрессу находится у него въ прямомъ отношеніи съ умѣньемъ соединить свои усилія съ дѣятельностью ближнихъ, что его матеріальная и интеллектуальная производительность возрастаютъ съ увеличеніемъ ассоціаціи.

Но, какъ показываютъ тѣ же наблюденія, способность къ мѣстной и самостоятельной ассоціаціи неразрывна съ одновременнымъ развитіемъ въ человѣкѣ двухъ весьма важныхъ качествъ: развитія индивидуальности, или личной независимости и привычки отвѣчать за свои поступки. Какъ эти качества развиваются съ мѣстной ассоціаціей, такъ же они исчезаютъ вмѣстѣ съ централизацией. Рабъ столь же мало отвѣтственъ за свои поступки, какъ безсловесное животное, и всѣ рабы столь же много похожи другъ на друга, какъ послѣдніе. Ассоціація является поэтому не только началомъ устраивающимъ матеріальный бытъ человѣка, но возвышающимъ и совершенствующимъ его нравственную природу.

Для того, чтобы была возможна ассоціація, необходимы мѣстные условія и прежде возможность обмѣна услугъ между людьми, а для этого необходимо разнообразіе занятій.

Двумъ земледѣльцамъ, двумъ сапожникамъ или кузнецамъ почти нечѣмъ обмѣниваться другъ съ другомъ. Поэтому, если мы заселимъ одну страну земледѣльцами, другую кузнецами, то ни внутри первой, ни внутри второй не будетъ происходить значительныхъ обмѣновъ, и обмѣнъ будетъ возможенъ только между жителями первой и второй страны. Но величина такихъ обмѣновъ между лицами, которыя удалены другъ отъ друга на значительное разстояніе, будетъ также только ограниченная. Во всякомъ случаѣ менѣе значительна и болѣе затруднительна, чѣмъ если бы эти разнообразныя производства жили рядомъ. Величина обмѣновъ и стремленіе къ ассоціаціи возникаетъ поэтому только съ разнообразіемъ занятій. Поэтому въ началѣ общества, когда разнообразіе занятій мало развито, мало развита и сила мѣстной ассоціаціи; вмѣстѣ съ тѣмъ мало развиты индивидуальность, и общество на этой ступени экономическаго развитія мало представляетъ сопротивленія, а напротивъ легко подчиняется рабству и централизаци.

«Аттиль было такъ легко собрать свои орды и перевести ихъ въ Европу потому именно, что онъ имѣлъ дѣло съ населеніемъ, которое ничѣмъ ни привязывалось къ мѣсту своего по-

селенія и между которымъ не существовало никакой мѣстной ассоціаціи и разнообразія занятій».

Разнообразіе занятій, обмѣнъ услугъ и развитіе мѣстной жизни такимъ образомъ неразрывны другъ съ другомъ, и это условіе повторяется не только въ мірѣ общественномъ, но во всей природѣ. Мѣстное движеніе вездѣ составляетъ противовѣсъ централизаци и смерти, а потому чѣмъ сильнѣе такое движеніе, тѣмъ сложнѣе форма жизни, тѣмъ значительнѣе ея сила сопротивленія къ тяготѣнію, тѣмъ болѣе децентрализаци; органическая жизнь выдѣляется изъ неорганической, и чѣмъ болѣе такое движеніе, тѣмъ болѣе совершенствуются его формы, переходя отъ простѣйшихъ формъ къ человѣку.

Съ каждымъ шагомъ на пути возрастанія обмѣна услугъ и мѣстной жизни, человѣкъ точно также приобретаетъ возможность пользоваться новыми силами природы и болѣе сберегать свой трудъ и противопоставлять болшую силу сопротивленія. Сопротивленіе тяготѣнію во всемъ мірѣ находится въ прямомъ отношеніи съ организаціей. Низшія формы растений состоятъ изъ простѣйшихъ организмовъ, которые ежегодно умираютъ, тогда какъ высшія формы, какъ дубъ, живутъ столѣтія.

То же самое повторяется и съ человѣкомъ: чѣмъ болѣе усложняется его общественная жизнь, чѣмъ болѣе разнообразятся его занятія, тѣмъ болѣе его общество должно представляться защищеннымъ отъ враждебныхъ ему силъ, и тѣмъ болѣе оно представляетъ задатковъ для дальнѣйшаго существованія. При такихъ условіяхъ и производительность человѣческаго труда не можетъ быть очевидно величиной убывающей, говоритъ Кэри, а должна возрастать съ ассоціаціей и разнообразіемъ занятій.

«Взглядъ этотъ, — продолжаетъ Кэри, — во всемъ однако отличенъ отъ извѣстнаго подъ именемъ Мальтусаго закона и утверждающаго, что народонаселеніе стремится къ возрастанію въ геометрической прогрессіи, тогда какъ запасы пищи могутъ увеличиваться лишь въ прогрессіи арифметической. Сказать это то же самое, что сказать слѣдующее: «Вещество стремится принимать высшія формы, какъ-то формы рѣпы, моркови, картофеля въ арифметической прогрессіи; между тѣмъ относительно высшихъ формъ стремленіе это усиливается, и вещество стремится умножаться въ этихъ формахъ въ геометрической прогрессіи. Безчисленные папоротники готовятъ почву для одного дуба, но дойдя до высшей формы, на которую способно вещество, до человѣка, мы узнаемъ о существованіи новаго великаго закона, на основаніи котораго человѣкъ умножается въ геометрической прогрессіи; тогда какъ размноженіе сельдей, кро-

ликовъ, устрицъ и всѣхъ другихъ предметовъ первой необходимости совершается только въ арифметической. Таковъ необыкновенный законъ—прибавляетъ Кэри, предлагаемый Мальтусомъ. Какъ онъ ни страненъ, но никакое положеніе, когда-либо высказанное, не пользовалось такимъ авторитетомъ. Этимъ оно отчасти обязано тому, его подтверждающему одновременному предположенію, что человѣкъ всюду начиналъ земледѣліе съ болѣе богатой почвы болотъ и рѣчныхъ прибрежій; но съ умноженіемъ населенія долженъ былъ браться за худшую почву. Поэтому Кэри обращается прежде всего къ опроверженію этого послѣдняго предположенія.

Сколь ни остроумно можетъ показаться пѣкоторымъ приведенное замѣчаніе Кэри, тѣмъ не менѣе справедливость заставляетъ насъ замѣтить тутъ же, что оно совершенно неосновательно.

Каковъ бы ни былъ законъ Мальтуса, справедливъ или нѣтъ; но онъ вовсе не говоритъ того, что приписываетъ ему Кэри.

Мальтусъ, утверждая, что человѣкъ размножается въ геометрической прогрессіи, не утверждаетъ въ то же время вовсе, чтобы картофель и рѣпа размножались въ арифметической прогрессіи; напротивъ того, его законъ допускаетъ совершенно размноженіе рѣпы въ прогрессіи еще болѣе быстрой, чѣмъ та, по которой размножается человѣкъ, и тѣмъ не менѣе сохраняетъ свою силу. Дѣло въ томъ, что Мальтусъ въ то же время видитъ, что размноженіе человѣка и рѣпы совершается подѣ совершенно различными условіями, между тѣмъ какъ Кэри этого не замѣчаетъ вовсе. Мальтусъ очень хорошо знаетъ, что какъ бы быстро ни размножалась рѣпа, она въ то же время поѣдается человѣкомъ, между тѣмъ какъ человѣкъ не поѣдается ни-кѣмъ.

Кэри же рассуждаетъ такимъ образомъ, какъ если бы рѣпа и картофель не подвергались насильственному уничтоженію человѣкомъ. Если бы это было такъ, тогда конечно не было бы и вопроса о томъ, кто размножается быстрѣе — пища или человѣкъ. И вопросъ этотъ возникаетъ именно вслѣдствіе того, что пища подвергается уничтоженію человѣкомъ по мѣрѣ ея народненія; между тѣмъ какъ человѣкъ нарождается, не поступая въ пищу другимъ животнымъ. При такомъ условіи, какъ бы быстро ни нарастала пища, если она уничтожается быстрѣе, чѣмъ можетъ нарастать, ее можетъ оказаться недостаточно. Такимъ образомъ, взглядъ Мальтуса не требуетъ никакихъ противорѣчій въ законахъ природы; напротивъ, онъ допускаетъ болѣе быстрое размноженіе низшихъ формъ, но онъ въ то же время

указываетъ на различіе, которое существуетъ между естественнымъ размноженіемъ, нестѣсняемымъ никакими побочными условіями, и размноженіемъ пищи, которое можетъ явиться подѣ условіемъ уничтоженія этой пищи человѣкомъ и свободного размноженія человѣка. Между тѣмъ, Кэри этого различія не замѣчаетъ вовсе. Имѣя въ виду это различіе, Мальтусъ и утверждаетъ, что такое различіе не можетъ существовать въ дѣйствительности иначе, какъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, за которыми размноженіе пищи не въ состояніи поспѣвать за размноженіемъ человѣка, вслѣдствіе чего къ человѣку начнетъ примѣняться то же условіе, въ какое оно ставитъ пищу, то-есть насильственное уничтоженіе человѣка путемъ голода.

Разсужденіе Мальтуса очевидно глубже, логичнѣе разсужденія Кэри, и для того, чтобы опровергнуть его, Кэри мало доказывать, что естественное размноженіе рѣпы совершается въ той же прогрессіи или даже болѣе быстрой, чѣмъ размноженіе человѣка; нужно доказать, что это размноженіе можетъ совершаться въ совершенно произвольной прогрессіи или по крайней мѣрѣ безконечно болѣе быстрой, чѣмъ размноженіе человѣка, иначе рано или поздно должно опасаться недостатка въ пищѣ, и положеніе Мальтуса окажется справедливымъ. Для того же, чтобы доказать это, нужно доказать, что производительность человѣческаго труда не уменьшается съ населеніемъ.

Что касается технической обработки сырья, то въ этомъ отношеніи никто не отрицаетъ возрастанія производительности человѣческаго труда, спорятъ только о томъ, чтобы эта производительность могла возрасти и даже оставаться постоянно относительно производства самого сырья. Пониженіе производительности труда въ этомъ послѣднемъ отношеніи выводить изъ нѣсколькихъ естественныхъ причинъ, какъ-то:

1) Изъ ограниченности самого запаса производительныхъ силъ въ данной единицѣ или пространствѣ почвы, вслѣдствіе чего новая единица работы, приложенная къ тому же участку, не можетъ приносить того же дохода или выработки, какъ предыдущая.

2) Изъ разстоянія участка или мѣста производства отъ мѣста потребленія, вслѣдствіе чего обработка той же суммы продукта на дальнемъ участкѣ обходится дороже, чѣмъ на ближайшемъ.

3) Изъ различнаго качества участковъ, вслѣдствіе чего лучшіе участки приносятъ болѣе доходъ чѣмъ худшіе, и если они занимаются ранѣе худшихъ, ведутъ къ постепенному пониженію производительности труда.

Сумма всѣхъ подобныхъ условій, являющихся источникомъ

ренты, и была схематически примѣрно выражена у Рикардо въ его теоріи ренты, схемой постепеннаго перехода обработки отъ лучшихъ къ худшимъ участкамъ.

Кэри эту схему принимаетъ въ буквальный смыслъ, какъ единственную дѣйствительную причину возникновенія ренты, и въ этихъ видахъ прежде всего обращается къ доказательству, что такое послѣдовательное занятіе участковъ отъ лучшихъ къ худшимъ не согласно съ дѣйствительностью. Отожествляя такое занятіе участковъ съ теоріей ренты Рикардо, онъ думаетъ достаточнымъ опровергнуть его для уничтоженія теоріи Рикардо.

Но мы будемъ помнить, что онъ имѣетъ дѣло только съ частнымъ примѣромъ, опроверженіе котораго не затронетъ еще вовсе прочихъ и болѣе общихъ основаній теоріи ренты и пониженія производительности земледѣльческаго труда.

Какъ бы то ни было, что касается въ частности опроверженій Кэри въ этомъ отношеніи, то онѣ крайне любопытны и поучительны, и въ нихъ сосредоточена немалая заслуга, принесенная Кэри экономической наукѣ, если не въ смыслъ разъясненія главнаго вопроса, — вопроса о производительности труда, то въ смыслъ болѣе скромнаго и частнаго вопроса, историческаго расположенія человѣческихъ поселеній.

Человѣкъ повсюду, пишетъ Кэри, начиналъ свою дѣятельность какъ охотникъ, живя добычею. Позднѣе онъ становится пастухомъ. Въ первомъ случаѣ 800 десятинъ земли даютъ столько же пищи, сколько въ состояніи дать $\frac{1}{2}$ десятины воздѣланной земли. Во второмъ — точно также общества людей должны кочевать на значительныхъ пространствахъ для пріобрѣтенія пищи. Переходъ къ земледѣльческому состоянію можно также доказать и фактами; можно точно также доказать, что человѣкъ начиналъ съ заселенія такихъ мѣстъ, которыя давали сравнительно скудныя жатвы.

Первые поселенцы, вышедшіе изъ Англіи, осѣли на скудной почвѣ Масачузета и основали колонію Плимутъ. Передъ ними лежалъ весь континентъ; но они должны были взяться за то, что было доступнѣе ихъ скуднымъ средствамъ. Другія поселенія были основаны въ Нью-Портѣ и Нью-Гавенѣ, и отсюда можно слѣдить, какъ колонисты, направляясь по теченію рѣкъ, стремились всегда занимать возвышенности, оставляя на долу потомковъ осушеніе болотъ и истребленіе лѣсовъ.

Плодородныя мѣстности Новой Англіи, до сихъ поръ еще не воздѣланы, между тѣмъ какъ болѣе производительныя заняты только въ послѣднія 40 лѣтъ. Въ Нью-Йоркѣ повторяется то же самое: самая скудная почва острова Монатонъ и возвышенныя морскія

берега заселились весьма рано; тогда какъ самая богатая почва низменныхъ мѣстностей еще теперь не воздѣлана. Въ Нью-Джерсеѣ квакеры заняли возвышенныя мѣстности у истоковъ и по теченію Делаваара, между тѣмъ какъ болѣе плодородная почва противоположнаго берега Пенсильваніи остается до сихъ поръ не воздѣланной.

Этотъ фактъ Кэри слѣдитъ повсюду въ сѣверо-американскихъ поселеніяхъ. Вездѣ, говоритъ онъ, первые поселенцы избѣгали рѣчныхъ долинъ по причинѣ лихорадокъ и искали сухого мѣста на возвышенностяхъ и горныхъ хребтахъ, дававшихъ мало урожая.

Болѣе плодородная почва находится подъ лѣсомъ или болотами, требуетъ осушки и расчистки, и потому обработка ея недоступна слабымъ средствамъ первобытнаго работника. Та же причина, которая побуждаетъ его, прежде чѣмъ выстроить каменный домъ, сложить наскоро бѣдный шалашъ, заставляетъ его взяться прежде за скудную почву, лишь бы получить съ нея хотя какой бы то ни было сборъ. Поэтому всюду, гдѣ были сдѣланы попытки завести поселенія на лучшей почвѣ, онѣ развивались весьма медленно. Такъ было съ французскими поселеніями въ Луизианѣ и Каннѣ.

«Ни одинъ человѣкъ, ограниченный своими собственными силами, не станетъ готовить къ обработкѣ болѣе плодородную почву, потому что, начини онъ осушать болотистую почву, онъ навѣрно умретъ съ голоду ранѣе, нежели сдѣлаетъ почву годной къ воздѣлыванію. На возвышенной же мѣстности поселенецъ по крайней мѣрѣ можетъ добывать для себя хотя скудное пропитаніе».

По ту сторону Рио-Гранде, въ Мексикѣ, читатель можетъ найти широкое доказательство такого занятія земли. Не далеко отъ ея устья лежитъ городъ, основанный въ новѣйшія времена. Слѣдуя по рѣкѣ мимо роскошныхъ, еще вовсе не воздѣланныхъ пространствъ до устья Сень-Жуана и поднимаясь затѣмъ вверхъ, читатель достигаетъ довольно заселенной страны, главнымъ городомъ которой служитъ Монтерей. Сѣвернѣе, на возвышенныхъ пространствахъ Чихуахуа онъ видитъ, что земледѣліе удалено отъ рѣчныхъ береговъ; тогда какъ на западъ отъ Монтерея идетъ по песчанымъ равнинамъ, которыя, несмотря на то, заселены. Достигнувъ Потоси, онъ находитъ страну вовсе лишенную рѣкъ, въ которой продолжительность періодическихъ дождей влечетъ за собой голодъ и смерть, а внизъ по теченію къ морскому берегу тянется прекрасная страна, орошенная многочисленными рѣками, въ которой хлопокъ и индиго ра-

янно подготавливаетъ новый, болѣе производительный, требующій меньше труда и дающій болѣе богатый сборъ».

Расчистка подъ пашню лѣсныхъ пространствъ требуетъ большаго труда, но сборъ съ нихъ незначителенъ, такъ какъ почва покрыта древесными корнями и пнями.

Съ каждымъ годомъ усиливается гніеніе послѣднихъ и почва становится плодороднѣе; тогда какъ трудъ вспахиванія земли значительно облегчается. Дренажъ начинается по близости рѣки, гдѣ трудъ всего тяжеле и притомъ осушается только весьма малое пространство земли.

Нѣсколько дальше отъ берега то же количество труда осушаетъ втрое большее пространство, благодаря уже прежде произведеннымъ работамъ. Удобрить известью пятнадцать моргеновъ глинистой почвы гораздо легче, чѣмъ расчистить изъ-подъ лѣса одинъ моргентъ, и при всемъ томъ этотъ меньшій трудъ удваиваетъ сборъ. Человѣкъ, нуждающійся въ небольшомъ количествѣ топлива, употребляетъ много труда на разработку каменноугольной копи. Расширивъ послѣднюю настолько, чтобы можно было употреблять въ дѣло тачку, онъ прилагаетъ сравнительно меньше труда, но получаетъ значительно большіе сборы. Первая желѣзная дорога проводится мимо городовъ, между тѣмъ небольшія вѣтви ея, на которыя тратится значительно меньше труда, приводятъ въ сообщеніе съ главной линіей втрое большее число людей. Ферма стоитъ теперь дорого, потому что владѣлецъ ея ежегодно въ теченіи долгаго времени получалъ съ нея тысячу бушелей, между тѣмъ какъ въ то время, когда она въ теченіи столѣтій лежала безъ всякаго употребленія, накопляла свое плодородіе, она не имѣла почти никакой цѣны.

Такимъ образомъ, Кэри не забываетъ того, что переходъ обработки къ лучшимъ участкамъ сопровождается увеличеніемъ труда, но онъ въ то же время думаетъ, что если лучшіе урожаи достаются народу современемъ не даромъ, а на счетъ капитала вкладываемаго въ почву, то эти капитальныя улучшенія съ избыткомъ вознаграждаются урожаями. Противъ этого нужно только замѣтить, что, къ сожалѣнію, Кэри не проверяетъ своего предположенія никакими точными расчетами.

Затѣмъ остаются два другіе источника ренты.

III.

Все дальнѣйшее содержаніе трудовъ Кэри дѣйствительно посвящено опроверженію втораго источника ренты, или доказательству послѣдовательнаго уменьшенія части стоимости производства, проистекающей изъ разстоянія мѣста производства отъ мѣста потребленія. То орудіе, которое дѣлаетъ возможнымъ переходъ обработки отъ бесплодныхъ пагорныхъ участковъ къ болотамъ, есть увеличеніе населенія, разнообразія занятій, орудій, сношеній и ассоціаціи между людьми. Та же самая ассоціація, разнообразіе занятій и децентрализація или развитіе мѣстной жизни, являющееся на смѣну централизаціи, ведетъ къ послѣдовательному уменьшенію разстояній между мѣстами производства хлѣба и его потребленія, и слѣдовательно удешевляетъ стоимость его производства. А такъ какъ историческая жизнь общества идетъ отъ централизаціи къ децентрализаціи, то отсюда слѣдуетъ и историческое пониженіе стоимости производства.

Въ періодъ юношескаго состоянія общества, когда люди воздѣлываютъ плохую почву, возможна только низшая степень ассоціаціи. Но когда народонаселеніе нарастаетъ, тогда начинаютъ пролагаться дороги и воздѣлываться лучшія земли. Лавка и мельница подвигаются къ поселенцу, и у него остается больше времени для улучшенія земли, а потому сборы съ нея возрастаютъ. Шерсть превращается на мѣстѣ же въ сукно, и земледѣлецъ прямо обмѣнивается съ фабрикантомъ. Кожевенникъ платитъ ему за шкуры кожи, а бумажный фабрикантъ обмѣниваетъ его тряпье на бумагу и т. д. Чѣмъ болѣе подвигаются мѣста обмѣна и обработка сырья къ мѣстамъ его производства, тѣмъ незначительнѣе потеря въ общемъ процессѣ производства на провозъ, и тѣмъ незначительнѣе растрата питательнаго матеріала почвы. Человѣкъ, которому дана пища съ условіемъ, чтобы онъ годъ ничего не дѣлалъ, сдѣлался черезъ это бѣднѣе, потому что ферма его вмѣсто того, чтобы улучшаться отъ голичной культуры, ухудшилась, пролежавъ въ заустѣннѣ, между тѣмъ какъ онъ еще даромъ тратилъ бы лошадей и телѣгу на перевозъ даровой пищи себѣ на домъ. Послѣ пищи топливо есть предметъ первой важности. Въ то время, когда человѣкъ тапливаетъ свой домъ, онъ расчищаетъ также землю. Точно также онъ выигрываетъ вдвойнѣ, когда для постройки своего дома собираетъ камни съ своего собственнаго поля, потому что онъ въ одно и то же время строитъ домъ и очищаетъ поле отъ камней. Напротивъ, когда онъ будетъ возить топливо или камень

извѣтъ, то онъ будетъ въ явной потерѣ, потому что его собственная земля не будетъ при этомъ улучшаться.

Всѣми вышеприведенными фактами Кэри повидимому хочется сказать, что производство растеть и удешевляется не только на счетъ одного увеличенія размѣра капитала, прилагаемаго къ обработкѣ поземельной единицы, а въ то же время еще на счетъ другихъ причинъ, на которыя не было обращено вниманія.

Съ увеличеніемъ капитала, прилагаемаго къ обработкѣ, является возможность не только получать большій доходъ съ тѣхъ же участковъ, но обрабатывать участки собственно лучшаго качества, болѣе благодарные въ конечномъ счетѣ, по обработкѣ которыхъ невозможна при маломъ капиталѣ. Далѣе, съ увеличеніемъ населенія и разнообразіемъ занятій уменьшаются траты на обмѣнъ услугъ и провозъ предметовъ; уменьшается, словомъ, работа безполезныхъ сопротивленій, и потому производство дешевѣетъ независимо отъ улучшенія капитала или исполнительныхъ механизмовъ полезной работы.

Если выразить это послѣднее положеніе болѣе обстоятельнымъ образомъ, то оно заключается въ слѣдующемъ: всякій продуктъ до своего потребленія проходитъ нѣсколько степеней обработки, и главнымъ образомъ проходитъ черезъ руки двухъ родовъ производителей: черезъ руки производителя сырья и мануфактуриста и наконецъ потребителя; чѣмъ эти три рода лицъ будутъ болѣе сближены между собой, тѣмъ меньше трата на провозъ продукта во время обработки и тѣмъ, слѣдовательно, дешевле продуктъ для потребителя, и наоборотъ. Поэтому сколь бы ни былъ великъ капиталъ и совершенны орудія производства, сколь бы ни была дешева работа самыхъ исполнительныхъ механизмовъ обработки, или дешево самое производство, цѣна, которой будетъ стоить продуктъ, можетъ быть больше или меньше, смотря по тому разстоянію, на которомъ находится мануфактуристъ отъ производителя сырья, и будетъ меньше, чѣмъ меньше это разстояніе. Напротивъ, она будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше это разстояніе, и можетъ быть доведена этимъ путемъ до невозможнаго предѣла. Это экономическое условіе само собой ведетъ къ социологическому закону, который и ставится у Кэри въ основаніе всей социальной науки—закону *наибольшаго сближенія отдѣльныхъ производителей*, развитію мѣстныхъ мануфактуръ, мѣстной жизни и цивилизаціи и вообще децентразаціи, какъ такого социального порядка, который ведетъ къ наиболѣе дешевому производству.

Въ противоположность этой системѣ существуетъ другая, выражающаяся въ сосредоточеніи всей обрабатывающей промышлен-

ности въ небольшомъ числѣ центровъ, удаленныхъ отъ сель. Эта система *централизаціи промышленности* имѣетъ различныя степени. Дѣло ея или ограничивается предѣлами даннаго государства, и въ этомъ случаѣ обрабатывающая промышленность сосредоточивается въ нѣсколькихъ значительныхъ городахъ или центрахъ, въ которые стекается для обработки сырья со всей страны; или та же система централизаціи распространяется на нѣкую систему государствъ или странъ, изъ которыхъ какая-либо одна страна стремится захватить въ свои руки всю обработку и низвести остальныхъ на степень колоній, производящихъ одно сырье. Эта система и есть та, которая существовала до сихъ поръ въ большей или меньшей степени въ дѣйствительности. Какъ система болѣе дорогого производства, эта система представляется положительно невыгодной для общества. Но она невыгодна не только какъ система болѣе дорогого производства: удаляя мануфактуриста отъ производителя сырья, она удаляетъ отъ послѣдняго вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ средства цивилизаціи: науку, школу, орудія болѣе совершенной обработки почвы, уничтожаетъ средства болѣе совершеннаго производства сырья, слѣдовательно удерживаетъ земледѣліе на низкой степени развитія, а земледѣльца на низкой ступени цивилизаціи, и въ суммѣ ведетъ страну къ бѣдности и варварству. Но въ то же время эта система можетъ быть выгодна для отдѣльныхъ лицъ, и этимъ Кэри объясняетъ ея господство въ исторіи.

«Удаленіе отдѣльныхъ производителей, говоритъ Кэри, вызываетъ потребность въ отдѣльномъ классѣ лицъ, который ничего не производитъ самъ, но служитъ посредникомъ обмѣновъ, какъ между отдѣльными производителями, такъ и между послѣдними и потребителями — это классъ торговый.

«Такъ какъ необходимость и существованіе этого класса обуславливается разединеніемъ производителей, то очевидно, что онъ долженъ заботиться о поддержаніи и развитіи такого разединенія. Успіямъ этого-то класса, класса торговцевъ, по мнѣнію Кэри, исторія и обязана преимущественно той системой централизаціи, которая въ ней господствовала.

«Первобытныя поселенцы,—пишетъ Кэри,—нигдѣ и никогда не пользовались спокойствіемъ и свободой устроить свои отхоженія къ лучшему. Напротивъ, вездѣ и всегда были причины, нарушающія правильное развитіе сношеній. Между двумя посылками, желавшими жить своимъ трудомъ, всегда случался третій, который говорилъ первому поселенцу: «принеси мнѣ такую рыбу, тебѣ это будетъ легче, чѣмъ препровождать ее къ другому поселенцу для обмѣна». Послѣдному онъ говорилъ въ

свою очередь: «принеси мнѣ своихъ птицъ, а я уже сговорюсь съ первымъ поселенцемъ на счетъ обмѣна».

На это, конечно, оба поселенца могли отвѣчать, что они сами могутъ сговориться на счетъ мѣны, безъ его содѣйствія, будь они вмѣстѣ, они могли бы дѣйствительно устранить такое посредничество. Но такъ какъ каждая подобная попытка невыгодна для третьяго поселенца, то онъ старается держать ихъ дальше другъ отъ друга, потому что они въ этомъ случаѣ будутъ болѣе зависѣть отъ его произвола. Такъ какъ число поселенцевъ умножается, то очень понятно, что нѣкоторымъ изъ нихъ можетъ придти на мысль, что они могутъ улучшить свое положеніе, начавъ работать вмѣстѣ. Но это не соответствуетъ цѣлямъ торговца. Разбогатѣвъ на счетъ труда своихъ сосѣдей, онъ уже въ состояніи заплатить за помощь, нужную ему для поддержанія своей власти.

Между тѣмъ въ числѣ его сосѣдей есть такіе, которые точно также готовы скорѣе жить трудомъ другихъ, чѣмъ своимъ собственнымъ. Находясь въ бѣдности и ища удовольствій, они готовы продать свои услуги наемщику, который доставитъ имъ возможность ѣсть, пить и весело жить. Вообще при отсутствіи умѣнья располагать силами природы, характеризующемъ первобытное состояніе общества, человѣкъ долженъ почти исключительно ограничиваться своими физическими силами при добываніи жизненныхъ потребностей. Такъ какъ эти силы различны у различныхъ индивидуумовъ, то въ этотъ періодъ господствуетъ громадное неравенство состояній. Дѣти и жена находятся обыкновенно въ рабскомъ состояніи у мужа; а тѣхъ, кто по годамъ или по болѣзни не въ силахъ работать, обыкновенно бросаютъ, предоставляя имъ умирать съ голоду. Въ состояніи охотника, когда человѣкъ ограничивается присвоеніемъ даровыхъ благъ природы, физическая сила составляетъ исключительное богатство. Чтобы добыть столько пищи, сколько получается съ полуморгеца воздѣланной земли, для человѣка, живущаго одной охотой, нужно 800 моргеповъ. Между тѣмъ живность истребляется годъ отъ году попадаетъ рѣже. Это заставляло жителей истощенныхъ странъ вытѣснять и грабить жителей, населяющихъ болѣе богатые пространства. Недостатокъ пищи принуждалъ такимъ образомъ человѣка грабить всюду своего ближняго. Въ этотъ древнѣйшій періодъ, сильнѣйшіе люди присваивали обширныя пространства земли и обращали слабѣйшихъ людей, ихъ женъ и дѣтей въ своихъ рабовъ. Всѣ старанія такого собственника были направлены къ тому, чтобы помѣшать всякой комбинаціи труда между его рабами, и чѣмъ успѣшнѣе онъ до-

стигалъ этой цѣли, тѣмъ больше былъ его доходъ. Торговля поэтому, пишетъ Кэри, — «началась съ барышничества или торговли людьми. Первобытный торговецъ покупалъ свой товаръ на самомъ дешевомъ рынкѣ, такъ какъ онъ просто ночью выжигалъ для этого села, бралъ себѣ часть плѣнниковъ и часть продавалъ другимъ. При такомъ состояніи общества, физическая сила и хитрость, олицетворяемые въ Аяксѣ и мудромъ Улиссѣ, суть единственные свойства, пользующіеся уваженіемъ. Война чтится, когда ему удастся обмануть своего противника; тогда какъ купецъ пользуется уваженіемъ по своему значительному богатству, приобретенному продажей бѣдному африканцу такого оружія, которое разрывается при первомъ выстрѣлѣ или такихъ матерій, которыя разлетаются на части отъ перваго удара. Поэтому торговля и война имѣютъ между собою много общаго; они вырастаютъ на одной и той же почвѣ разобщенія людей и варварствъ, и единственное различіе между завоевательными войнами и войнами торговыми то, что послѣднія ведутся съ гораздо большимъ ожесточеніемъ. Завоеватель все-таки чувствуетъ потребность улучшить положеніе своихъ ближнихъ, но торговецъ не знаетъ другого стремленія, какъ купить на дешевомъ рынкѣ и продать на дорогомъ».

Таковы краски, которыми Кэри изображаетъ первобытную исторію общества, и таковы источники, въ которыхъ онъ видитъ настоящую причину разобщенія людей. Если эти краски, по скольку они относятся къ первобытной исторіи, не преувеличены, то съ другой стороны нельзя сказать, чтобы источникъ разединенія людей былъ на самомъ дѣлѣ таковъ, какимъ его изображаетъ Кэри. Никто не станетъ оспаривать справедливости извѣстнаго правила: «divide et impera». Но чтобы человѣческая исторія была вообще дѣломъ однихъ интригановъ, устраивавшихъ ее на зло всему человечеству, съ этимъ согласиться нельзя. Я не спорю противъ того, что посредствующія лица имѣли интересъ препятствовать весьма часто сближенію людей и дѣйствительно заботились объ этомъ; но я полагаю въ то же время, что самое ихъ существованіе едва ли не настолько же выжило и обуславливалось отсутствіемъ сближенія между людьми и неумѣніемъ людей мирно комбинировать свои силы, сколько обуславливало это неумѣнье. Чтобы согласиться съ Кэри, нужно предположить, что человѣкъ отъ природы родился готовымъ гражданиномъ общества, что ему въ этомъ отношеніи было ровно нечему учиться, и онъ обладалъ сначала всѣми качествами ума и характера, всѣмъ тактомъ, которые необходимы для такой ассоціаціи. Ну, а это врядъ ли такъ. Поэтому, если

съ отсутствіемъ ассоціаціи въ первобытномъ обществѣ можно согласиться какъ съ фактомъ, то самому факту слѣдуетъ дать нѣсколько иное объясненіе.

Не ставя централизаціи вовсе социальнымъ идеаломъ, мы не можемъ однако въ то же время не признать, что первобытный человѣкъ вмѣсто способности къ ассоціаціи принесть съ собою именно неумѣнье устроить своихъ отношеній промежъ себя, что начало централизаціи скрывалось не въ частномъ капризѣ отдѣльных личностей, а въ общей природѣ человѣка, который иначе не умѣлъ дисциплинироваться и устраивать своихъ отношеній, какъ на началѣ физической силы.

Какъ бы то ни было, исторія почти всѣхъ государствъ, — про должаетъ Кэри, — достигшихъ историческаго вліянія, Спарты, Карфагена, Рима, Франціи и т. д. представляютъ намъ картину такой централизаціи и подавленія мѣстной жизни въ пользу жизни отдѣльных центровъ. Народъ вездѣ пизведенъ на степень производителя одного сырья и удаленъ по самому мѣсту отъ высшихъ видовъ производства. Вся система построена на томъ, чтобы поизить елико возможно цѣну сырья и повысить цѣну обработаннаго товара, словомъ, разъединить цѣны на эти два рода продуктовъ, тогда какъ настоящая система должна стремиться къ елико возможному сближенію этихъ цѣнъ. Та же система централизаціи, утвержденная внутри государства, переносится отдѣльными государствами естественнымъ образомъ и въ ихъ внѣшнія сношенія. Каждое государство стремится низвести елико возможно большее число другихъ, въ отношеніи себя, на степень простыхъ производителей одного сырья; и эта система прежде всего примѣняется къ колоніямъ.

Эта система централизаціи торговой преслѣдовалась въ повѣйшее время съ особеннымъ усердіемъ и безпощадностью Англіей, и результаты ея яркими красками начерчены въ экономическомъ положеніи странъ, которыя имѣли только несчастье подпасть подъ ея вліяніе. Въ Ирландіи, Вестъ- и Остъ-Индіи, вездѣ, словомъ, гдѣ успѣло утвердиться англійское владычество, оно дало почувствовать свое присутствіе этой же системой политики, сознательно и ясно проводимой, и тѣми же результатами, одинаково печальными и несправедливыми. Кэри особенно долго останавливается надъ этимъ предметомъ.

«Древнія метрополіи, — говоритъ онъ, — ограничивали сношеніе колоній между собой и съ другими странами, но они не вмѣшивались въ ихъ внутреннее сношеніе. Греческія колоніи могли свободно обмѣнивать свои произведенія гдѣ угодно. Карфагенскія колоніи могли какъ угодно обрабатывать свои сырыя произве-

денія. Испанія и Португалія точно также не вмѣшивались во внутреннюю торговлю и производство своихъ индѣйскихъ колоній. Франція точно также. Единственныя ограниченія, которыя позволяли себѣ эти страны, касались свободы иностранной торговли колоній. Въ англійской колоніальной системѣ встрѣчается въ первый разъ запрещеніе колоніямъ тѣхъ или другихъ промысловъ, вмѣшательство во внутреннее производство колоній, съ цѣлью воспрепятствовать ихъ развитію и обратить колоніи въ мѣстныхъ производителей одного сырья. Прошло два столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ англійскіе купцы обратились съ просьбой къ правительству: «подавить всѣми возможными средствами развитіе мануфактуръ въ Ирландіи», и эта просьба имѣла своимъ послѣдствіемъ запрещеніе Ирландіи обрабатывать свою собственную шерсть. Послѣдняя должна была въ сыромъ видѣ высылаться въ Англію и обрабатываться англійскими мануфактурами. Та же система затѣмъ была примѣнена и къ американскимъ колоніямъ. Въ 1710-мъ году нижняя палата объявила, что учрежденіе фабрикъ въ колоніяхъ имѣетъ цѣлью ослабить ихъ зависимость отъ Великобританіи; въ 1730-мъ году запрещено устраивать фабрики и машины для прокатыванія желѣза. Позднѣе лордъ Чатамъ объявилъ, что онъ не позволитъ колонистамъ выковывать ни одного гвоздя для подковы.

Въ 1765-мъ году запрещено выселеніе ремесленниковъ изъ Англіи въ колоніи подъ страхомъ наказанія. Въ 1781-мъ году запрещено вывозъ орудій, служащихъ для обработки шерсти и шелка; въ 1782-мъ г. вывозъ мастеровъ для набивки матеріи; въ 1785-мъ г. вывозъ аппаратовъ и работниковъ для обработки желѣза и стали, а въ 1795-мъ вывозъ горнорабочихъ.

Всѣ эти запрещенія имѣли одну цѣль: сдѣлать невозможнымъ развитіе мѣстныхъ мануфактуръ въ колоніяхъ и заставить весь сырой продуктъ колоній обрабатываться на англійскихъ фабрикахъ.

То же самое относительно Индіи. Здѣсь точно также было запрещено всякое мануфактурное производство, и ея населеніе не имѣло права даже рафинировать свой собственный сахаръ. Всѣ должны были заниматься производствомъ одного сырья. Мѣстные результаты такой колоніальной политики были повсюду одинаковы. Запрещеніе обработки продукта на мѣстѣ прежде всего оставляло безъ работы всѣ руки, которыя были заняты на мѣстѣ такой обработкой; далѣе, оно увеличивало расходы производства на всю стоимость вынужденнаго и напраснаго провоза сырья для обработки въ метрополію и обратно; а если цѣна обработаннаго продукта возвышалась, то уменьшалось и

его потребление въ колоніяхъ. Вслѣдствіе этого должно было уменьшаться самое количество производимаго сырья, а слѣдовательно и число рукъ занятыхъ его производствомъ. Наконецъ, обработка сырья внѣ мѣста его производства увеличивала сумму отброса, пропадавашаго даромъ для производства, и постоянный вывозъ сырья, безъ возврата почвъ отброса, истощалъ все болѣе и болѣе колоніальную почву. Въ результатѣ, такія условія должны были вести повсемѣстно къ одному и тому же концу: истощенію и запустѣнію колоній.

Подъ вліяніемъ такой системы Ирландія доведена до настоящей нищеты. Развитіе ея мануфактуръ было, какъ мы видѣли, остановлено съ самаго начала по просьбѣ англійскихъ купцовъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ 1783-мъ году, были установлены покровительственныя пошлины, подъ вліяніемъ которыхъ ирландскія мануфактуры стали мало-по-малу исправляться; но въ 1801-мъ году, съ присоединеніемъ острова къ королевству Англіи, были открыты ирландскіе рынки и мѣстныя мануфактуры не могли конкурировать съ болѣе развитыми англійскими и должны были исчезнуть. Въ 1840-мъ году число рабочихъ на суконныхъ фабрикахъ въ Дублинѣ понизилось съ 5000 до 600. Лишась всякаго занятія кромѣ земледѣлія, ирландскій работникъ долженъ былъ понизить свою заработную плату или бѣжать въ Англію и Америку. Для людей болѣе достаточныхъ удовольствіе жить на родинѣ, лишенной всякаго мѣстнаго развитія, уничтожилось, и эти лица уѣхали въ Англію, Италію и Францію проживать ренты съ своихъ ирландскихъ помѣстій. И такимъ образомъ Ирландія продавала свою почву за ткани, которыми страна могла сама себя приготовить; за каменный уголь и желѣзо, которые пахотились у нея самой въ изобиліи. Защитники системы приписывали нищету Ирландіи избытку населенія; между тѣмъ, какъ третья часть страны, заключавшая плодороднѣйшія мѣстности, оставалась необработанной. Чтобы сдѣлаться зажиточнымъ, населеніе нуждалось въ одномъ — въ равномерномъ развитіи на ряду съ земледѣліемъ прочихъ видовъ производства, а это было невозможно при системѣ, уничтожавшей возможность всякаго производства въ странѣ, кромѣ сырья. Страна, начавшая вывозить сырье, должна будетъ наконецъ вывозить людей — это неизбежно.

То же самое происходило и въ азіатской Индіи. До господства англичанъ страна раздѣлялась между мелкими властителями; подати были велики, но всѣ онѣ истрачивались на мѣстныя и промышленность была развита. На Коромандельскомъ берегу и въ Бенгаліи трудно было найти 60 лѣтъ тому названную деревню, въ которой всѣ мужчины и женщины не занимались

станьемъ матерій. Бенгалія славилась своими кисеями, Коромандельскій берегъ ситцемъ и катуномъ. Съ утвержденіемъ господства англичанъ подати стали еще больше, а между тѣмъ сдѣлано было также все что можно для того, чтобы заставить мѣстное населеніе производить одно сырье и посылать его для обработки въ Англію.

При назначеніи налога на ткацкіе станки, ткачи должны были показать, сколько у него дѣтей и какую помощь они ему оказываютъ. Маслобойня, печь гончара, инструменты золотыхъ делъ мастера, пила лѣсопилищика, наковальня кузнеца, топоръ плотника, ткацкій станокъ ткача и лодка рыбака — все было обложено податью. Доносчикамъ платили значительныя суммы, чтобы принудить неработающихъ быть шпионами людей работавшихъ.

Далѣе, въ мѣстныхъ таможенныхъ взималась пошлина со всѣхъ обмѣновъ между отдѣльными частями страны, а въ пользу казны существовали монополіи на соль, опиумъ и табакъ. Въ свое время страна не только производила столько хлопка, сколько было нужно для внутренней потребности, но доставляла еще сотни милліоновъ фунтовъ хлопка для вывоза въ другія страны. Подати и запрещеніе ввоза мастеровъ и орудій, вынудившее посылать весь хлопокъ для обработки въ Англію, привели Индію къ такому обѣдненію, равнаго которому, по словамъ Роберта Пилля, нѣтъ въ лѣтописяхъ. Значительные мануфактурные города совершенно исчезли. Отъ значительнаго города Дока, въ которомъ считалось 90,000 домовъ, осталась только груда развалинъ. Древообрабатывающія работы, начатія прежде, теперь покинуты. Въ долипѣ Гангеса необрабатывается и $\frac{1}{3}$ части годной земли, и половина плодородной почвы всей Индіи лежитъ въ запустѣніи. Въ Мадраскомъ президентствѣ обработанная почва занимаетъ $\frac{1}{5}$ часть пространства. Для достиженія этого-то, говоритъ Пиль, дѣти стали Ланкаширѣ работали отъ 15-ти до 17-ти часовъ въ будни и чинили машины по воскресеньямъ отъ 6-ти до 12-ти часовъ. Главной цѣлью было дешевѣйшее сравнительно съ бѣднымъ индусомъ производство тканей.

Въ Британской Вестъ-Индіи тѣми же мѣрами производство было ограничено разведеніемъ одного сахарнаго тростника. На Ямайкѣ пробовали разводить индиго, но оказалось, что на долю ввоза, комиссіи и правительства приходилась такая значительная часть его продажной цѣны, что производство стало невозможно. Пробовали разводить кофе, но и это производство оказалось невозможно. Самое производство сахарнаго тростника оста-

валось возможно только благодаря рабовладѣнію, и при этомъ снѣ доходъ производителя былъ крайне ничтоженъ.

Плантаторъ былъ обращенъ въ простого надсмотрщика на рабами, обязаннаго уступать почти весь чистый доходъ торговцамъ и правительству. Самъ онъ былъ почти такимъ же рабомъ этихъ лицъ, какъ и его негръ, а между тѣмъ на него смотрѣли всегда какъ на настоящаго тирана и эксплуататора, тогда какъ настоящіе эксплуататоры спокойно наслаждались результатами такой колоніальной системы въ Англіи.

Можно было бы по крайней мѣрѣ думать, что такая колоніальная система выгодна для метрополіи; но не трудно видѣть, что Англія, разоряя этой системой Ирландію, разоряла въ то же время и себя. Оставаясь безъ работы, ирландскій работникъ долженъ былъ искать труда въ Англіи. Англія наводнялась голодными ирландцами, понижавшими рабочую плату англійскихъ рабочихъ. Рабочая плата становилась низка, продуктъ дешевъ, но въ то же время низокъ и потребитель такъ, что число лишнихъ рукъ увеличивалось, и $\frac{1}{9}$ часть населенія Англіи впадала въ пауперизмъ за недостаткомъ работы.

На этомъ основаніи настоящую причину англійскаго пролетаріата слѣдуетъ искать, по утвержденію Кэри, вовсе не въ естественномъ законѣ природы, по примѣру Мальтуса, а въ искусственной колоніальной системѣ, стремившейся извратить естественное развитіе всѣхъ странъ міра для того, чтобы доставить Англіи монополію обработки сырья всего міра.

Такъ какъ результатъ системы долженъ быть повсемѣстнымъ одинаковъ, то къ такому же разоренію должны были приходиться и государства, которыя добровольно ставили себя въ подобную зависимость отъ иностранной торговли и мануфактуръ, государства, которыя, не заботясь о развитіи туземныхъ промысловъ, довольствовались производствомъ одного сырья. Таковы Турція, Португалія и пр.

Всякій разъ, когда тѣ или другія страны ставили себя въ такое положеніе странъ чисто земледѣльческихъ, онѣ бѣдѣли и разорялись неминуемо, и напротивъ, поправлялись съ развитіемъ промышленности. Для страны, которая разъ приняла такое положеніе простой производительницы сырья, единственный исходъ изъ такого положенія, по мнѣнію Кэри, есть покровительственная система, которая дала бы возможность возникнуть новымъ мануфактурамъ и развиться до возможности конкурировать съ иностранными производителями. Кэри является поэтому ревностнымъ защитникомъ системы Кольбера и тѣхъ странъ и правительствъ, которыя придерживались этой системы въ это

отношеніи; онъ, однако, слишкомъ идеализируетъ вліяніе покровительства и рисуетъ въ слишкомъ идеальномъ свѣтѣ положеніе тѣхъ странъ, которыя беретъ въ доказательство своей теоріи.

IV.

Итакъ, централизація или физическая близость производителя сырья и мануфактуриста, его обрабатывающаго, составляетъ неизбежно условіе дешевизны производства или сокращенія безполезной работы. Чѣмъ ближе между собой эти лица, тѣмъ болѣе непосредственныхъ сношеній между ними и тѣмъ меньше число посредствующихъ лицъ, участвующихъ въ устройствѣ сношеній. Но для возможности сношенія еще недостаточно одной близости мануфактуриста къ производителю сырья, производителя и потребителя. Сношеніе бываетъ устроено невыгоднѣйшимъ образомъ въ томъ случаѣ, когда всѣ лица, участвующія въ процессѣ производства, постоянно заняты дѣломъ, и перемѣщеніе продуктовъ между отдѣльными производителями совершается непрерывно, при наименьшей тратѣ времени на перемѣщеніе. Время, истрачиваемое на перемѣщеніе, зависитъ отъ разстоянія между отдѣльными производителями и состоянія дорогъ. Но это время можетъ быть различно также, смотря по тому, сколько продуктъ будетъ залеживаться въ отдѣльных пунктахъ до его перемѣщенія; а это зависитъ отъ тѣхъ основаній, на которыхъ совершается передача продукта изъ однихъ рукъ въ другія, или его распредѣленіе. Въ предѣлахъ одной мастерской, одного хозяйства, работа можетъ идти непрерывно, потому что здѣсь продуктъ переходитъ отъ одного работника къ другому непосредственно безъ всякой остановки. Такая передача невозможна между двумя независимыми мастерскими сама собою, и основаніемъ распредѣленія продукта между отдѣльными хозяйствами служитъ обыкновенно обмѣнъ. Если связать такой обмѣнъ условіемъ обмѣна продукта на продуктъ, то путемъ такого обмѣна нельзя достигнуть непрерывнаго распредѣленія продукта, и товаръ будетъ залеживаться въ отдѣльных ступеняхъ производства или обмѣна.

Для того, чтобы этого не случилось, нужно, чтобы всякій производитель могъ представить такой товаръ въ обмѣнъ, который всегда готовъ взять въ обмѣнъ продавецъ. Такой товаръ составляютъ деньги, и потому-то деньги служатъ орудіемъ обращенія или обмѣновъ. При ихъ посредствѣ распредѣленіе или цир-

куляція продукта можетъ совершаться безостановочно, и скорость обращенія продукта зависитъ только отъ времени, истрачиваемаго на перемѣщеніе продукта. Такова настоящая роль денегъ и основаніе, по которому они цѣнятся. Когда это орудіе въ избыткѣ или достаточномъ количествѣ, тогда денежный процентъ не высокъ, и обращеніе совершается съ возможной быстротой. Недостатокъ денегъ, напротивъ, какъ недостатокъ орудія обращенія долженъ вызывать замедленіе обращенія продукта, замедленіе производства и бесполезную растрату труда.

Нужно замѣтить, по мнѣнію Кэри, что такой недостатокъ денегъ весьма часто ложно смѣшиваютъ съ недостаткомъ капитала. Капиталы составляютъ всѣ орудія производства, въ томъ числѣ, конечно, и деньги, какъ орудіе обращенія, безъ котораго немислимо производство; но можно легко понять, что всѣ орудія производства, то-есть капиталъ вообще, кромѣ денегъ, могутъ быть на лицо, а между тѣмъ производство можетъ останавливаться именно за недостаткомъ денегъ или одного орудія обращенія.

Какъ всякое орудіе, деньги стремятся къ тому мѣсту, гдѣ онѣ находятъ для себя болѣе дѣла, то-есть къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ обращеніе сильнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется и наибольшая потребность въ деньгахъ. На этомъ основаніи, по мнѣнію Кэри, можно предсказать заранѣе, что деньги должны стремиться изъ странъ, гдѣ спомненіе замедляется или замедлено, — въ страны, гдѣ оно развито или развивается; что деньги должны стремиться изъ странъ чисто земледѣльческихъ и изъ развитой централизаціи — въ страны, гдѣ производитель сырыхъ и мануфактурныхъ болѣе сближены. Выводъ этотъ Кэри странно доказываетъ примѣромъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ ввозъ монеты превышалъ каждый разъ вывозъ ея введеніемъ покровительственнаго тарифа и развитіемъ податей послѣдняго фабрикъ; и напротивъ, вывозъ монеты превышалъ ввозъ каждый разъ, какъ фабрики закрывались и спомненіе падали.

Что касается количества денегъ, въ которомъ нуждается страна, то количество это можетъ быть весьма различно по числу обмѣновъ и скорости обращенія денегъ, то-есть по числу покупокъ, которыя успѣваетъ совершить та же монета въ данное время. Чѣмъ обмѣнивающіяся лица болѣе сближены между собой, чѣмъ незначительнѣе налоги, централизующіе массу денегъ въ рукахъ казначейства, изъ котораго они расходуются только постепенно; чѣмъ меньше прячется денегъ въ сундукахъ, тѣмъ болѣе оборотовъ совершаетъ тотъ же денежный знакъ.

В данное время и тѣмъ сравнительно меньшимъ количествомъ монеты можетъ довольствоваться страна. Напротивъ, чѣмъ больше въ странѣ лежитъ монеты непроизводительно, тѣмъ сравнительно большаго ея количества и требуется для внутреннихъ обмѣновъ страны. Какъ предметъ общей потребности монета рано обратила на себя вниманіе правительствъ, которыя приложили на себя контроль надъ нею. Контроль этотъ на дѣлѣ приходилъ весьма часто, какъ извѣстно, къ портѣ монеты. Такая порча монеты еще производилась въ древнихъ государствахъ; но въ позднѣйшей европейской исторіи она была доведена до крайности. Филиппъ Красивый измѣнялъ монету до тридцати разъ въ году; его преемники слѣдовали его же примѣру. Почти то же самое было въ Шотландіи и Англіи. Такое положеніе дѣлъ привело къ учрежденію въ Амстердамѣ, а затѣмъ и въ другихъ городахъ, депозитныхъ банковъ для надежнаго склада денегъ и для облегченія размѣна ихъ. Эти депозитные банки вскорѣ обратились въ учетные въ томъ смыслѣ, что порученные имъ вклады банки стали обращать подъ учетъ векселей; а затѣмъ опытъ привелъ къ тому убѣжденію, что банки имѣютъ возможность расширить свои учеты или кредиты на сумму, превышающую въ нѣсколько разъ денежный фондъ вкладчиковъ, замѣняя выдачу золота выпускомъ билетовъ или обязательствъ банка. Такимъ путемъ монета замѣнилась въ обращеніи кредитными знаками, и выпускъ ихъ далъ возможность сообразовать количество билетовъ съ потребностями рынка.

До сихъ поръ банковое дѣло не представляетъ ничего кромѣ пользы. Вредъ состоялъ въ томъ, что это дѣло скоро обратилось въ монополію. «Конецъ XVII-го столѣтія, — пишетъ Кэри, — былъ свидѣтелемъ возникновенія самаго вліятельнаго изъ денежныхъ учрежденій, когда-либо видѣннаго — это *англійскаго банка*. Едва лишь онъ устроился, какъ владѣльцы банка добились изданія закона, по которому лицамъ, желавшимъ помѣнить свои деньги въ видѣ вкладовъ, предоставлялся ограниченный выборъ между означеннымъ банкомъ и другими частными учрежденіями. Такимъ образомъ, банкъ присвоилъ себѣ контроль надъ денежнымъ обращеніемъ, которымъ и распоряжался въ личную пользу въ видахъ своихъ немногихъ акціонеровъ. Съ тѣхъ поръ отношенія торговли деньгами установились та же централизованная, дающая банку возможность производить произвольныя операціи, отражающіяся разорительнымъ образомъ на обществѣ и хозяйствѣ.

Производя усиленную покупку частныхъ обязательствъ, банкъ увеличиваетъ сумму денежнаго обращенія, вызываетъ новыя пред-

пріятія и оживленіе предпріимчивости, за которыми слѣдуетъ усиленный ввозъ иностранныхъ продуктовъ. Но этотъ послѣдній ведетъ въ концѣ къ вывозу золота; требованія на послѣднее возрастаютъ. Вслѣдствіе этого банкъ принужденъ продавать въ избытокъ купленные имъ бумаги, и послѣднія падаютъ въ цѣнѣ. На половину начатія предпріятія, вслѣдствіе сокращенія банкомъ кредита, не могутъ быть окончены. Предпріятія эти рушатся. Тысячи людей оказываются разоренными и самъ банкъ едва избѣгаетъ той же участи. Въ такое положеніе англійскій банкъ уже неоднократно ставилъ англійское общество со времени своего учрежденія. Все это происходитъ вслѣдствіе централизаціи торговли деньгами и стремленія ее регулировать. Но дѣло въ томъ, — говоритъ Кэри, — что торговля деньгами, какъ и торговля башмаками, не нуждается ни въ какомъ регулированіи. Напротивъ, она требуетъ полнѣйшей свободы, при которой единственнымъ регуляторомъ ея является само общество. На этомъ основаніи американская система мѣстныхъ банковъ, какъ болѣе локализирующая кредитъ и стремящаяся къ децентрализаціи, представляетъ болѣе задагковъ устойчивости и пользы для страны.

Вообще банкъ есть не что иное, какъ денежная лавка орудія обращенія, въ которой вкладываются деньги, ищущія обращенія. Чѣмъ ближе эта лавка будетъ къ потребителю, тѣмъ менѣе онъ будетъ удерживать при себѣ денегъ, имѣя возможность всегда достать ихъ изъ банка; поэтому, чѣмъ болѣе локализованы банки, тѣмъ совершеннѣе денежное обращеніе.

Экономическіе писатели, начиная отъ Юма и Адама Смита и кончая Миллемъ, также разсматривали деньги, какъ орудіе обращенія, но въ то же время они старались утвердить мнѣніе, что измѣненіе количества драгоцѣнныхъ металловъ производитъ никакого вліянія на экономическое положеніе народа. Чѣмъ меньше драгоцѣннаго металла, тѣмъ большее количество прочихъ продуктовъ, по ихъ мнѣнію, будетъ обихаживаться на то же количество металла, и только. Несмотря на общее мнѣніе и факты постоянно противурѣчили такому мнѣнію. Фермеръ знаетъ, что когда деньги въ изобиліи, его изведенія быстрѣе сбываются; а когда ихъ мало, ему приходится ждать покупателей. Каждый рабочій понимаетъ, что да деньги свободно обращаются, онъ легко находитъ работу, самъ становится покупателемъ. Между тѣмъ, когда ихъ мало, то онъ остается безъ работы и его семейство терпитъ нужду. Если имѣютъ инстинктъ, и когда ихъ учатъ тому, что противурѣчитъ окружающей дѣйствительности, то они естественно приписываютъ

это тому, что ихъ ученые изучаютъ природу въ своихъ кабинетахъ», — прибавляетъ Кэри.

Дѣйствительно, подобно всякому орудію, всякой вещи, количество денегъ должно сообразоваться съ потребностью въ нихъ. И если потребность въ орудіи обращенія превышаетъ предложеніе, то обращеніе задерживается. Всякій понимаетъ, что если уменьшить число нашихъ кораблей, то черезъ это произойдетъ неминуемое замедленіе въ обращеніи цѣнностей; а между тѣмъ корабли не приводятъ въ обращеніе и незначительной доли той суммы цѣнностей, обращеніе которыхъ зависитъ отъ денегъ. Если же уменьшеніе кораблей и дорогъ замедляетъ обращеніе, то тѣмъ ощутительнѣе долженъ быть для обращенія недостатокъ денегъ, заставляющій людей обращаться къ первоначальнымъ орудіямъ мѣны.

Итакъ, чѣмъ въ большемъ достаткѣ орудія обращенія, чѣмъ менѣе централизованы деньги, тѣмъ непрерывнѣе обращеніе цѣнностей, участвующихъ въ производствѣ и потребленіи, тѣмъ быстрѣе и совершеннѣе самое производство. Отсюда слѣдуетъ, что и забота о торговомъ балансѣ не есть вовсе такая пустая забота, какъ это старались доказать.

Страна, изъ которой бѣгутъ деньги, идетъ къ застою, замедленію обращенія и уменьшенію сношеній. Но дѣло въ томъ, что страна не потому бѣднѣетъ обыкновенно, что изъ нея бѣгутъ деньги; напротивъ, послѣднія бѣгутъ потому, что страна бѣднѣетъ, сношенія уменьшаются, производство сырья начинаетъ включать мануфактуры и оба рода производителей разъединяются все болѣе и болѣе. Удержатъ въ такой странѣ монету есть напрасный трудъ и невозможная мечта; въ странѣ чисто земледѣльской торговый балансъ неизбѣжно долженъ быть невыгоденъ для страны и драгоцѣнные металлы дороги.

Такимъ образомъ, правильное и быстрое денежное обращеніе и децентрализація неразрывны другъ съ другомъ. Децентрализація и развитіе мѣстной жизни, мѣстной промышленности увеличиваютъ величину свободнаго труда, остающагося за потребіемъ первыхъ нуждъ въ странѣ; деньги способствуютъ непрерывному утилизованію труда.

Трудъ уничтожается и погибаетъ безвозвратно скорѣе всѣхъ вещей. Онъ погибаетъ, если спросъ на него не слѣдуетъ немедленно за его готовностью, то-есть питаніемъ мускула, то-есть, если этотъ спросъ не слѣдуетъ непрерывно. Въ обществахъ первобытныхъ съ малымъ населеніемъ, съ ничтожнымъ разнообразіемъ производства теряется этимъ путемъ масса труда; отсюда ихъ бѣдность.

Напротивъ, чѣмъ непрерывнѣе и постояннѣе общественное движеніе, тѣмъ настоятельнѣе спросъ на трудъ и тѣмъ менѣе онъ пропадаетъ даромъ и сберегается въ производствѣ, которомъ служитъ. Но для такой непрерывности необходимо разнообразіе занятій и отсутствие всякаго замедленія въ обращеніи продуктовъ, а потому во всѣхъ чисто земледѣльческихъ странахъ существуетъ и громадная потеря или растрата труда. Вся задача социолога по отношенію къ производству состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать потерю труда наименьшею; и такъ какъ эта потеря уменьшается съ населеніемъ, раздѣленіемъ труда и децентрализацией, съ уменьшеніемъ разстояній между людьми, раздѣленіемъ занятій и увеличеніемъ обмѣна, то съ увеличеніемъ населенія и децентрализацией величина полезной работы въ обществѣ возрастаетъ пропорціонально величинѣ валового труда, а быстрѣе ея. На этомъ основаніи исторія общества должна представлять ускоренное возрастаніе производства, и децентрализція должна составлять социологическій законъ ускореннаго производства. Каждая единица утилизируемаго труда не пропадаетъ безслѣдно, а сберегается въ производствѣ; поэтому чѣмъ болѣе утилизируется трудъ, чѣмъ болѣе работаетъ общество, тѣмъ болѣе накапливается такого сохраненнаго неупничтожающагося труда, тѣмъ болѣе становится отношеніе недвижимаго капитала общества къ движимому.

Каждая осушка болота, каждое открытіе новой силы, каждое новое приложеніе силы воды къ услугамъ человѣка увеличиваетъ основной капиталъ, сопровождается увеличеніемъ притягательной силы мѣста на человѣка и ведетъ къ децентрализácii.

Централизация, напротивъ, стремится къ увеличенію движимой собственности, уменьшая недвижимую. Большіе земледѣльцы держатъ работниковъ какъ простое движимое имущество, которое можно купить и продать на открытомъ рынкѣ.

Земля при такомъ порядкѣ не имѣетъ никакой цѣны, какъ напримѣръ, въ Индіи и Каролинѣ. Собственность почти вся имѣетъ чисто личный характеръ, какъ это мы видимъ въ хлопковыхъ бумажныхъ штатахъ. Предводитель облагаетъ значительнымъ вѣсѣломъ своихъ подданныхъ, употребляя на содержаніе войско, то, что народъ въ противномъ случаѣ обратилъ бы въ передвижной капиталъ, улучшивъ свои маленькія фермы. Капиталъ Англіи во время Пантагенетовъ состоялъ въ значительныхъ стадахъ и табунахъ, земля же была дешева. Въ настоящее же время цѣнность недвижимой собственности втрое превышаетъ стоимость ротный капиталъ, вопреки централизационной политикѣ. Обратимъ взоръ на Ирландію, Индію, Португалію, Турцію, державши

политики, увеличивавшей власть торговца, мы находимъ въ нихъ возрастающую зависимость отъ оборотнаго капитала, сопровождающуюся упадкомъ цѣнности земли и труда; между тѣмъ какъ въ Бельгіи и Германіи пропорція движимаго капитала уменьшается, а цѣнность земли возрастаетъ съ значительною быстротою. Но такого сбереженія труда, выражающагося въ возрастаніи недвижимаго капитала, не слѣдуетъ смѣшивать съ сбереженіемъ движимаго капитала, какое разумѣется подъ словомъ «сбереженіе» въ обыденномъ смыслѣ слова. Это возрастаніе недвижимаго капитала служитъ признакомъ возрастающаго богатства, потому именно, что въ немъ выражается возрастаніе власти человѣка надъ окружающими силами природы, или такое сбереженіе или утилизованіе труда, которое сопровождается возрастаніемъ этой власти. Безъ этого условія никакое сбереженіе не даетъ богатства. Политическая экономія учитъ поэтому совершенно напрасно, что богатства составляются однимъ сбереженіемъ. Если бы это было такъ, то мы должны были найти быстрѣйшее возрастаніе капитала въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ сбереженіе наиболѣе распространено. Ирландскій работникъ извѣстенъ своею бережливостію, а также лапландецъ и индѣецъ. Въ древнія времена въ Англіи и Шотландіи многія семейства сберегали запасы пищи. Въ Индіи государи сберегали запасы золота. Вообще сбереженіе въ наибольшемъ употребленіи тамъ, гдѣ общественное развитіе слабо, гдѣ способности остаются скрыты за отсутствіемъ спроса на ихъ примѣненіе. Уатъ добылъ власть, посредствомъ которой накопился богатства, удвоивши цѣнность земли въ Англіи. Было ли это результатомъ сбереженія? Шапталъ, Фукуа и Бертольдъ значительно содѣйствовали увеличенію поземельнаго капитала Франціи. Морзе, устроивъ телеграфъ, приобрѣлъ богатство. Гдѣ же во всѣхъ этихъ случаяхъ было простое сбереженіе? Напротивъ того,—говоритъ Кэри,—такъ какъ богатство состоитъ въ увеличеніи власти человѣка надъ природой, то чѣмъ болѣе развивается эта власть, тѣмъ бережливость, въ буквальномъ смыслѣ это рабское чувство, стремится исчезнуть».

Результаты всѣхъ этихъ разсужденій относительно производства Кэри выражаетъ слѣдующими положеніями:

«Полезность есть мѣра власти человѣка надъ природой.
«Цѣнность есть наоборотъ мѣра власти природы надъ человекомъ или сопротивленія, оказываемаго природой человѣку.
«По мѣрѣ увеличенія ассоціаціи полезность увеличивается, а цѣнность падаетъ. Уменьшеніе цѣнности сопровождается разрывомъ индивидуальности, увеличеніемъ безопасности личной и общественной; капиталъ стремится къ неподвижной формѣ, и

только незначительная часть его остается оборотной. Въмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается возрастающее стремленіе къ созданію мѣстных центровъ. По мѣрѣ развитія мѣстныхъ центровъ, уменьшается потребность въ посредствующихъ лицахъ, ускоряется производство и быстрота обращенія».

V.

На этомъ не кончается еще однако апологія Кэри началу децентрализаціи. Показавъ значеніе начала децентрализаціи производства, Кэри предстояло показать точно также, что это начало столь же благотворно и въ смыслѣ распредѣленія, что съ возрастаніемъ сношенія и увеличеніемъ капитала увеличиваетъ производство. Кэри переходитъ къ объясненію, что тѣ же условія ведутъ неизбѣжно къ равномѣрному распредѣленію.

«Въ началѣ общества,—пишетъ онъ,—цѣнность капитала самая значительная, потому что самое производство перваго капитала самое дорогое. При всей незначительности работъ, которыя могли быть сдѣланы каменнымъ топоромъ, человѣкъ нанимавшій его долженъ былъ платить за это весьма дорого, потому что срубалъ при посредствѣ топора въ одинъ день болѣе лѣса, чѣмъ могъ бы сдѣлать это безъ топора въ теченіи мѣсяца. Онъ находилъ выгоднымъ для себя платить за топоръ три четверти выработки, потому что ему оставалось все-таки болѣе, чѣмъ если бы онъ работалъ безъ топора. Когда былъ изобрѣтенъ желѣзный топоръ, то выработка при посредствѣ такого топора была еще значительнѣе, но собственникъ такого топора долженъ былъ согласиться взять за его наемъ не три четверти выработки, а менѣе, потому что самое производство такого топора стоило ему менѣе усилій, чѣмъ перваго каменнаго».

Поэтому съ изобрѣтеніемъ желѣзнаго топора и собственникъ и наниматель были въ выгодѣ, получая абсолютно болѣшую выработку, но относительная доля капиталиста къ долѣ работника уменьшалась. Кэри допускаетъ, словомъ, что каждая новая единица капитала приноситъ болѣе пользы, чѣмъ предыдущая; и самое производство ея обходится дешевле, и потому доля капиталиста или плата за наемъ капитала понижается, между тѣмъ какъ доля остающагося труда увеличивается. Всякая вещь, говоритъ онъ, цѣнится по стоимости ея воспроизведенія; а такъ какъ стоимость воспроизведенія капитала становится все дешевле, то доля капиталиста понижается, между тѣмъ какъ доля, остающаяся труду, увеличивается, и потому цѣнность рукъ или чело-

вѣкъ должна увеличиваться. Это положеніе, говоритъ онъ, вѣрно въ отношеніи всякаго рода капитала. Домъ давно построенный стоилъ гораздо болѣшаго труда, чѣмъ теперь требуется на воспроизведеніе значительнаго лучшаго.

То же самое съ деньгами. Брутъ бралъ 50%; въ царствованіе Генриха VIII-го законный процентъ былъ 10%; теперь же въ Англіи этотъ процентъ 4%.

Въ земледѣльческихъ странахъ процентъ всегда высокъ, потому что деньги отсюда стремятся уходить за границу. То же самое, по мнѣнію Кэри, примѣнимо наконецъ и къ рентѣ. Понимая увеличивающійся въ абсолютной величинѣ вмѣстѣ съ величиной вложеннаго капитала, но относительно ея величина понижается, то-есть собственникъ земли получаетъ все меньшую и меньшую долю ея произведеній изъ общей выработки.

По какому рациональному расчету происходитъ это на самомъ дѣлѣ, Кэри къ сожалѣнію не объясняетъ. Противупоставляя свою теорію, какъ мы знаемъ, теоріи Рикардо и искажая послѣднюю, Кэри не даетъ себѣ однако труда привести основанія, которыя руководятъ его выводомъ съ той категоричностью, какой требуетъ предметъ и съ какой сдѣлалъ это Рикардо относительно своей теоріи. Онъ бросаетъ свою теорію не только безъ доказательствъ, чисто афористично, но безъ подробнаго ея уясненія. Въ результатѣ его объясненій мы не знаемъ, почему рента должна даже увеличиваться абсолютно, хотя и падать относительно. Въмѣсто того онъ еще разъ набрасывается на предположеніе перехода обработки отъ лучшихъ къ худшимъ участкамъ и соглашается, что общепринятая теорія ренты была бы справедлива въ томъ случаѣ, если бы это предположеніе было вѣрно. Но что должно выдти, если это положеніе не вѣрно—этого онъ не исследуетъ въ точности, а отвѣчаетъ на вопросъ общими словами.

«Еслибы человѣкъ на самомъ дѣлѣ,—пишетъ онъ,—начиная, занималъ съ богатѣйшей почвы, то численное увеличеніе населенія сопровождалось бы постояннымъ пониженіемъ человѣческой силы (слѣдовало бы сказать: производительности человѣческаго труда)». Но такъ какъ обратное этому доказано, то съ переходомъ работника отъ худшихъ къ лучшимъ участкамъ производительность человѣческаго труда должна возрастать.

Если бы производительность земли была даже одинакова, то все-таки приходилось бы платить вознагражденіе за пользованіе земной съ постройками и другими хозяйственными принадлежностями. Общая теорія называетъ эту плату собственно платой за капиталъ. Общая теорія полагаетъ поэтому, что арендаторъ

долженъ заплатить собственнику эту плату за капиталъ плюсъ разность съ тѣмъ, что даетъ сама по себѣ земля данной фермы въ сравненіи съ землей худшей фермы.

Между тѣмъ, говоритъ Кэри, расцѣпка перваго худшаго мѣста стоитъ вдвое больше труда, чѣмъ послѣдующаго лучшаго; и несмотря на то, за эту расцѣпку онъ можетъ требовать теперь не той платы, которой она ему самому стоила, а той, которой стоитъ ея воспроизведеніе теперь. Стоимость же такой расцѣпки постоянно понижается, слѣдовательно владѣлецъ первой фермы долженъ получить меньшую прибыль, да сверхъ того плюсъ разность между производительностью его земли и земли послѣдующей фермы. Но земля послѣдующей фермы лучше, чѣмъ предыдущей, по теоріи Кэри; слѣдовательно разность эта отрицательная. Итого въ суммѣ владѣлецъ первой фермы долженъ получить меньшую прибыль—минусъ избытокъ урожая, который давала сама по себѣ земля повой фермы—надъ землей его собственной. Въ силу этого рента должна постоянно понижаться. Однимъ словомъ, по мнѣнію Кэри, вслѣдствіе перехода обработки отъ худшихъ къ лучшимъ землямъ и удешевленія капитала, стоимость воспроизведенія единицы хлѣба должна постоянно уменьшаться, а слѣдовательно уменьшится и плата за пользованіе земель.

Ферма съ ея почвой должна быть рассматриваема, по его словамъ, какъ машина, производящая хлѣбъ, а земля какъ матеріалъ, изъ котораго она строится. Какъ всякая другая машина, она улучшается съ развитіемъ общества и въ то же время постройка ея стоитъ дешевле, а потому плата за пользованіе такой машиной должна становиться дешевле. Иначе и владѣлецъ старой мельницы имѣлъ бы право получить ренту за пользованіе неразрушимыми свойствами желѣза.

Окончательный выводъ, изъ всего этого слѣдующій, долженъ быть тотъ, что богатство и средства къ жизни должны возрастать быстрѣе потребностей. Таковъ дѣйствительно выводъ Кэри. Гдѣ же предѣлъ такому возрастанію богатства? Такого предѣла, повидимому, не должно быть по теоріи Кэри, ибо онъ дѣйствительно говоритъ: «сила природы безпредѣльна и ея готовность оказывать услуги равняется всему дѣлаемому ей спросу».

Самъ понявъ однако, что такое предположеніе было бы ужъ слишкомъ смѣло, Кэри спѣшитъ выдти изъ затрудненія, которое самъ себѣ создалъ. «Очевидно,—говоритъ онъ,—что при такомъ накопленіи, когда для народонаселенія останется лишь мѣсто достаточное для стоянія, пищи станетъ постоянно недоставать. Спрашивается конечно, почему же, если силы природы безпредѣльны и готовность ея оказывать услуги равна всему спросу,

можетъ недоставать мѣста для стоянія, по пищи недоставать не можетъ, разъ богатство можетъ возрастать безпредѣльно?

Принявъ однажды, что плодovitость человѣка не уменьшается теченіемъ времени, нельзя отрицать, что рабство есть крайній удѣлъ человѣчества. «Но можетъ ли это быть,—говоритъ Кэри,—могъ ли Творецъ быть столь непредусмотрительнымъ?» Для рѣшенія этого вопроса Кэри остается перейти только на почву физиологическихъ догадокъ и рѣшить за физиологовъ такую вопросъ, серьезно говорить о которомъ сама физиологія не имѣетъ никакой возможности.

Кэри говоритъ о жидкостяхъ, о непостоянствѣ количества веществъ, приготовляемыхъ различными желѣзами, сравниваетъ число зародышей у слоповъ съ числомъ ихъ у муравьевъ, и все это для того, чтобы вывести слѣдующее снисательное положеніе: «Степень плодovitости измѣняется обратно пропорціонально съ развитіемъ нервной системы». Положеніе это, конечно, спасаетъ человѣчество отъ чрезмѣрнаго размноженія, а богатство отъ обязанности возрастать непрерывно.

Вмѣстѣ съ такими разсужденіями Кэри переходитъ очевидно къ возраженію на третью причину ренты, ограниченность силъ природы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, его разсужденія относительно этого предмета лишены уже всякаго научнаго характера, а потому мы можемъ не входить вовсе въ подробности разсужденій Кэри по этому предмету, и переходимъ къ общему заключенію относительно его разсужденій.

VI.

Ошибка Кэри заключалась въ томъ, что онъ захотѣлъ придать слишкомъ широкій смыслъ дѣйствию избраннаго имъ нѣсколькихъ сношеній и децентрализации и доказать вещи, которыя доказать невозможно. Для науки и истины было бы гораздо полезнѣе и существеннѣе изслѣдовать это дѣйствіе въ его частныхъ подробностяхъ и опредѣлить этимъ путемъ его границы, чѣмъ задаваться а priori какими-либо широкими афоризмами. Дѣло въ томъ, что Кэри, при всемъ своемъ положительномъ довѣріи къ законамъ природы внѣшней, физической, имѣетъ не совсѣмъ точное представленіе объ этихъ законахъ и вслѣдствіе этого склоненъ увлекаться и допускать предположенія немислимые для философа-естествоиспытателя. Дѣло въ томъ, что силы природы вовсе не безпредѣльны, какъ думаетъ Кэри, а именно предѣльны и ограничены; поэтому произволь-

паго соотвѣтствія предложенія спросу существовать не можетъ, и никакая наука не можетъ доказать его возможности.

Запасъ потенциальной силы, скрытой въ единицѣ обрабатываемаго вещества, есть запасъ ограниченный. Какъ бы ни разнился этотъ запасъ въ отдѣльныхъ десятинахъ земли, во всякомъ случаѣ эта разность не выходитъ изъ извѣстныхъ предѣловъ, и извлечь изъ десятины при какомъ угодно искусствѣ большаго запаса силы, чѣмъ въ ней ее заключается, мы не можемъ. Кусокъ дерева можетъ дать при сжиганіи только извѣстное количество теплоты и никогда болѣе. Это обусловлено постоянствомъ законовъ природы. Наше искусство сводится только къ тому, чтобы воспользоваться большей или меньшей долей этой теплоты, но увеличить абсолютно запасъ этой теплоты мы не можемъ. Точно также и относительно земли, все равно, будутъ ли обрабатываться прежде лучшіе, а потомъ худшіе участки или наоборотъ. Все наше искусство сводится къ тому, чтобы обратить въ полезную работу большую долю силъ, освобождающихся въ дѣятельности почвы; но увеличить безусловно запасъ этой силы мы не въ состояніи. Поэтому крайняя или безусловно наибольшая величина пищи, которую можетъ дать десятина, есть величина столь же опредѣленная и ограниченная, какъ величина тепла, которое можетъ дать фунтъ сосны.

Знаніе и искусство даютъ намъ только возможность приблизить наше пользованіе болѣе или менѣе къ этой безусловной величинѣ освобождающейся силы. Но въ то же время опытъ учитъ, что всякій новый шагъ въ этомъ направленіи обходится дороже предыдущаго, то-есть что каждая новая единица труда, прилагаемая къ такому пользованію, приноситъ меньше пользы, чѣмъ предыдущая. При посредствѣ нашихъ машинъ мы можемъ обработать десять десятинъ тѣмъ же трудомъ, которымъ обрабатывали прежде одну, или можемъ получить съ одной десятины тотъ же доходъ при трудѣ въ десять разъ меньшемъ, чѣмъ прежде, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы удешевивъ этотъ трудъ мы получили въ 10 разъ больше урожай съ десятины. У насъ остается $\frac{9}{10}$ свободнаго труда на другія производства, на которыя прежде не доставало времени, но количество пищи отъ этого не увеличивается, а только увеличивается количество другихъ вещей. Употребивъ теперь на ту же десятину не $\frac{1}{10}$ труда, а двѣ, три и т. д. десятыхъ, мы можемъ получить съ десятины больше пищи, чѣмъ прежде, но не пропорціонально больше, а все въ замедляющей пропорціи. Усовершенствуя наши печи или топки машины, мы можемъ утилизировать большую долю сжигаемаго угля, но каждый шагъ впередъ стоитъ и здѣсь все болѣе

и большихъ усилій, такъ что наконецъ польза не покрываетъ этихъ усилій. Работникъ сжигаетъ болѣе пищи, чѣмъ сохраняетъ дровъ, и величина возможной выработки достигаетъ предѣла. Законъ этотъ общій.

Приращеніе продукта, извлекаемое изъ обработки какого угодно матеріала на единицу труда, при увеличеніи этого труда становится все меньше и меньше и наконецъ уничтожается. Ни величина труда, ни величина капитала не можетъ быть увеличиваема на данномъ пространствѣ земли до безконечности, а только до извѣстнаго предѣла, не вслѣдствіе невозможности уместить этотъ трудъ, а вслѣдствіе невозможности извлечь больше силы изъ данного количества вещества, чѣмъ ея въ немъ заключается.

Усовершенствованныя системы земледѣльческой культуры извлекаютъ изъ десятины больше хлѣба, чѣмъ прежнія, не иначе какъ на счетъ большей величины труда и капитала. И производительность земледѣльческаго труда понижается вовсе не потому только, что обработка переходитъ съ лучшихъ участковъ на худшіе, а для cadaго участка, каково бы ни было его качество, потому именно, что съ cadaго участка добывается съ теченіемъ времени большее количество пищи. Воображаемая теорія послѣдовательной обработки худшихъ участковъ, о которой такъ много распространяется Кэри, принимая ее за теорію ренты Рикардо, здѣсь ровно не причемъ; и причина пониженія производительности труда заключается въ условіи болѣе существенномъ, чѣмъ это думаетъ Кэри.

Далѣе, различіе въ доходности, какъ показалъ Тюненъ, точно также зависитъ отъ разстоянія участка отъ рынка, какъ и отъ качества почвы. Но производительность труда понижается еще независимо отъ этихъ двухъ условій, по мѣрѣ приложенія большаго труда къ обработкѣ того же участка,—понижается, какъ только требованіе заставляетъ добывать съ земельной единицы лишнюю единицу продукта. Но производительность послѣдней единицы труда опредѣляетъ рабочую плату всѣхъ единицъ; слѣдовательно, для уплаты за работу удѣляется меньшая доля дохода съ десятины. Участокъ давалъ 10 четвертей и требовалъ 1 работника, который получалъ за работу 5 четвертей. Теперь тотъ же участокъ даетъ 13 четвертей при двухъ рабочихъ. Первый рабочій доставлялъ 5 четвертей, второй прибавляетъ всего 3; поэтому за работу будетъ теперь заплачено $2 \times 3 = 6$ четвертей, а рента будетъ 7 четвертей вмѣсто 5. Прежде доля рабочаго равнялась $\frac{1}{2}$ сбора, теперь она равняется $\frac{6}{13}$, а доля всей работы $\frac{6}{13}$.

Порядокъ обработки, равно какъ и разстояніе отъ рынка не

можетъ измѣнить этого основнаго закона паденія производительности труда. Но, чѣмъ дальше будетъ рынокъ, тѣмъ меньше будетъ общая выработка за вычетомъ провоза на дальнихъ земляхъ; чѣмъ хуже участки, тѣмъ меньше общая выработка на послѣднихъ земляхъ; а такъ какъ выработка на послѣднихъ земляхъ опредѣляетъ вообще рабочую плату, то съ обработкой худшихъ и дальнихъ земель рабочая плата падаетъ и, напротивъ, должна подыматься съ улучшеніемъ этихъ земель или приближеніемъ ихъ къ рынку. То и другое дѣйствительно въ состояніи производить цивилизація, возрастаніе сношеній и капитала, и децентрализація. И здѣсь-то именно слѣдуетъ искать благотворнаго вліянія начала, проповѣдываемаго вообще Кэри, на распредѣленіе.

Какова бы ни была сама по себѣ выработка послѣдняго поставленнаго рабочаго на данномъ участкѣ, само собою понятно, что выработка его, за вычетомъ провоза, можетъ измѣняться смотря по разстоянію, на которомъ участокъ находится отъ рынка. Поставимъ одинъ рынокъ или городъ на всю страну. Величина мѣстнаго прокормленія плюсъ спросъ города опредѣляютъ число рукъ, занятыхъ производствомъ хлѣба и выработку рабочаго на самомъ дальнемъ участкѣ или рабочую плату для всей страны.

Поставимъ теперь въ той же странѣ вмѣсто одного города четыре меньшихъ города, распредѣленныхъ равномѣрно. Валовая сумма спроса на хлѣбъ остается та же самая, но стоимость провоза уменьшилась. Самый дальній участокъ, находившійся прежде за a верстъ отъ города или рынка, теперь находится на другомъ разстояніи. Если вся площадь страны равна n квадратнымъ верстамъ, то площадь, соотвѣтствующая каждому рынку, теперь будетъ $\frac{n}{4}$ кв. верстъ, и если разстояніе отъ города до дальнѣйшаго участка было прежде a верстъ, а новое разстояніе a' , то они будутъ относиться между собой какъ корни квадратные изъ соотвѣтствующихъ площадей, то-есть:

$$a : a' = \sqrt{n} : \sqrt{\frac{n}{4}} = \sqrt{n} : \frac{\sqrt{n}}{2} = 2 \quad \text{или} \quad a' = \frac{a}{2}$$

или стоимость провоза уменьшится вдвое.

Выработка рабочаго на самомъ дальнемъ участкѣ, если она прежде только прокармливала рабочаго и давала ему возможность продать столько хлѣба, чтобы запастись въ городѣ солью и необходимыми орудіями, теперь даетъ избытокъ вслѣдствіе удешевленія провоза. А такъ какъ выработка этого рабочаго опредѣляетъ рабочую плату вообще, то очевидно, что децен-

трализація и приближеніе рынка должно дѣйствовать возвышающимъ образомъ на рабочую плату и умѣрять дѣйствіе основнаго закона. Точно также должно дѣйствовать и всякое капитальное улучшеніе почвы, которое обращаетъ прежде худшій участокъ въ болѣе плодородный. Доля капиталиста за это капитальное улучшеніе съ каждымъ годомъ должна уменьшаться, вслѣдствіе удешевленія капитала. Между тѣмъ улучшеніе это остается въ почвѣ, и собственникъ участка не можетъ воспользоваться имъ всегда и сполна. Онъ можетъ воспользоваться только разностью, какая существуетъ вслѣдствіе такихъ улучшеній между качествами его участка и остальныхъ; но если эти капитальныя улучшенія становятся общими, если путемъ ихъ возвышается, такъ сказать, общій уровень обрабатываемой почвы, а весьма вѣроятно, что путемъ такихъ капитальныхъ улучшеній съ развитіемъ земледѣлія, первоначальныя естественныя различія почвы должны стремиться къ уравниванію, то выгода такихъ капитальныхъ улучшеній должна доставаться на долю рабочаго.

Въ подобныхъ условіяхъ, неразмѣрившихъ въ точности Кэри, должно заключаться дѣйствительное серьезное вліяніе децентрализаціи на улучшеніе распредѣленія.

Но эти вліянія могутъ только умѣрять дѣйствіе основнаго закона паденія производительности труда съ величиной валовой выработки съ участка или, по крайней мѣрѣ, не могутъ предупредить пониженія выработки послѣдняго рабочаго и рабочей платы съ возрастающимъ требованіемъ. Они могутъ дать возможность содержать въ странѣ извѣстное увеличенное населеніе при лучшей рабочей платѣ, но они не могутъ привести теченія вещей къ постоянному возрастанію рабочей платы параллельно съ населеніемъ, о которомъ говоритъ Кэри.

Здѣсь можетъ быть мѣсто указать еще на другое улучшеніе, которое вытекаетъ изъ того же начала децентрализаціи для положенія рабочаго класса. Мы можемъ видѣть изъ исторіи, что крѣпостное или рабское состояніе рабочаго не переживало вообще пикъ серьезнаго мануфактурнаго развитія; и по крайней мѣрѣ въ Европѣ, гдѣ въ первый разъ это развитіе достигло широкаго значенія, оно сопровождалось одновременнымъ разрушеніемъ крѣпостныхъ отношеній. Причина этому можетъ быть только естественная: при развитіи этого рода труда крѣпостной работникъ на землѣ его собственника не доставитъ того дохода, какой онъ можетъ уплатить ему, ставъ промышленникомъ. Вслѣдствіе этого собственная выгода можетъ заставить собственника, вмѣсто обработки земли рабскимъ трудомъ, доволь-

ствоваться полученіемъ съ такого раба оброка. Этимъ путемъ прежній рабъ, если бы онъ не былъ освобожденъ закономъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ, само собой, долженъ былъ вырости въ свободнаго человѣка, и первоначальная зависимость должна была бы обратиться со временемъ въ плату владѣльцу за право промысла. Но сила еще не въ этомъ, а въ томъ, что мануфактурное развитіе оказываетъ серьезное цивилизующее вліяніе. Оно не только измѣняетъ общій уровень понятій рабочаго, но дѣлаетъ въ суммѣ нѣчто большее и существенное, — на что и должно главнымъ образомъ обратить вниманіе, — оно обращаетъ самую работу изъ простаго физическаго акта въ работу, требующую извѣстнаго искусства и знанія.

Работникъ, при посредствѣ разнообразія промысловъ, занятій и улучшенныхъ способовъ производства, изъ простаго двигателя обращается въ специалиста извѣстнаго дѣла, отъ котораго требуется извѣстное знаніе и опытъ; онъ становится обладателемъ извѣстнаго умственнаго капитала. А капиталъ этотъ, смотря по роду занятій, можетъ быть весьма значителенъ. Такой трудъ при достаточномъ на него спросѣ оплачивается уже не заурядъ съ простымъ физическимъ трудомъ, а пропорционально капиталу, который представляетъ искусство и знаніе рабочаго. Этимъ путемъ разнообразіе занятій и развитіе мануфактуръ, промысловъ и знанія возводитъ значительную долю прежнихъ простыхъ рабочихъ въ разрядъ такихъ рабочихъ, трудъ которыхъ оплачивается по болѣе высокой нормѣ, доходящей до весьма крупной величины.

Трудъ нашихъ ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, инженеровъ, докторовъ, мастеровъ и пр., какъ бы онъ ни вознаграждался недостаточно самъ по себѣ иногда, все-таки вознаграждается несравненно лучше работника на скотномъ дворѣ; а между тѣмъ эти лица, въ случаѣ отсутствія разнообразія занятій и общественнаго развитія, какое даютъ промыслы и знаніе, должны были бы вести жизнь не лучшую простыхъ скотоводовъ и пастуховъ. Самый трудъ земледѣльца съ развитіемъ высшихъ системъ земледѣльческой культуры получаетъ другой видъ, такъ какъ самое земледѣліе, съ развитіемъ механическихъ и другихъ техническихъ средствъ, пріобрѣтаетъ болѣе научный характеръ. И въ немъ ощущается все болѣе и болѣе потребности въ такихъ работникахъ, которые бы обладали извѣстными специальными свѣдѣніями. Управление машиной требуетъ болѣе знаній, чѣмъ управленіе клячею, а поправка машины несравненно болѣе, чѣмъ починка веревочной сбруи. Этимъ путемъ въ рабочей средѣ образуется все болѣе и болѣе умственнаго капитала.

а вмѣстѣ съ тѣмъ должна увеличиваться и доля въ общей выработкѣ ими производствъ, поступающая на вознагражденіе работъ.

Противъ этого обыкновенно возражаютъ, что съ развитіемъ техническихъ способовъ производства, положеніе простаго рабочаго стало становиться еще хуже, чѣмъ прежде, а нравственный его уровень понижается. Но защитники этого мнѣнія извѣщаютъ обыкновенно въ виду положеніе послѣдняго рабочаго и затѣмъ обобщаютъ это положеніе на весь рабочій классъ. Такое же обобщеніе совершенно невѣрно. Положеніе послѣдняго рабочаго можетъ оставаться то же или быть даже хуже, но въ то же время техническое развитіе несомнѣнно выдѣляетъ изъ той же рабочей среды рядъ лицъ, положеніе которыхъ становится лучше, увеличиваетъ словомъ сумму среднихъ достатковъ въ обществѣ въ сравненіи съ болѣе первобытными положеніями общества. Всѣмъ этимъ подтверждается только, что благотворное вліяніе децентрализации и въ смыслѣ производства, и въ смыслѣ распредѣленія, справедливо только въ извѣстныхъ предѣлахъ, и что этой децентрализаци нельзя приписывать ни въ какомъ случаѣ той всеустройствающей силы, какую думалъ приписать ей Кэри.

Мы исчерпали теперь все содержаніе труда Кэри и видимъ, что все оно вращается около опроверженія двухъ частныхъ источниковъ пониженія производительности труда: разнообразія почвъ и разстояній. Мы не видимъ дѣйствительно, чтобы Кэри гдѣ-нибудь серьезно коснулся послѣдней и главной причины пониженія производительности труда или причины ренты, а именно — ограниченности силъ природы. Между тѣмъ эта причина, какъ главная причина ренты, была въ его время указана Тюпеномъ, и вопросъ ренты, по крайней мѣрѣ относительно вліянія разстояній, приведенъ послѣднимъ къ тому именно положенію, къ которому онъ приводится и у Кэри.

Мы закончимъ поэтому лучше всего разсмотрѣніе Кэри крайняго категорическимъ разсужденіемъ, которое встрѣчается относительно вліянія децентрализаци на ренту у Тюпена.

Въ государствѣ съ однообразной почвой, говоритъ этотъ писатель (isol. St. 2 Th. 2 Abth. Стр. 115. Rostok, 1863), въ концѣ есть всего одинъ городъ, рента возникаетъ изъ разстоянія, на которыхъ лежатъ отдѣльные хозяйства отъ города. Если въ такомъ государствѣ вмѣсто одного большого города воображать рядъ малыхъ, такъ, чтобы дальнѣйшее разстояніе сель отъ

городовъ не превышало 2 миль, то можно будетъ пренебречь разстояніемъ, и ренты въ такомъ государствѣ новидимому существовать не должно вовсе. Понятно, что это и есть тотъ идеальный случай, котораго желаетъ Кэри. На дѣлѣ мы видимъ однако, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе гуще и рода многочисленнѣе, цѣна хлѣба именно выше, чѣмъ въ мѣстахъ большей централизаціи. Вотъ таблица средней цѣны шеефеля ржи 1828—1841 года въ Пруссіи.

	За шеф.
Вост. ч. Пруссіи	32
Познань	34
Бранденбургъ и Помер.	37
Саксонія	41
Вестфалія	47
Рейнская Пруссія	51

Какъ разрѣшить это противорѣчіе?

Причина его, говоритъ Тюпенъ, очевидна — болѣе густое населеніе вызываетъ большее требованіе урожая съ участка и высшія системы обработки почвы, а эти системы обходятся много дороже простыхъ и даютъ меньшую выработку на единицу труда, то-есть связаны съ пониженіемъ производительности послѣдняго, и это есть именно та причина ренты, которую не въ состояніи уничтожить децентрализація.

Въ суммѣ Кэри не сдѣлалъ слѣдовательно того, что думалъ сдѣлать, не уничтожилъ закона пониженія производительности труда. Но онъ доказалъ, что ограниченность этой производительности, кромѣ существенныхъ и неустраняемыхъ причинъ, можетъ имѣть причины случайныя, заключающіяся въ условіяхъ первобытной жизни, маломъ населеніи, отсутствіи сношеній, разнообразіи занятій и мѣстной жизни, устраненіе которыхъ есть прямая задача историческаго развитія общества. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказалъ, что развитіе сношеній, разнообразіе занятій и децентрализація составляютъ несомнѣнный социологическій законъ, отъ выполненія котораго зависитъ увеличеніе благосостоянія и средствъ общества въ наибольшихъ предѣлахъ, которые только доступны для общества при текущихъ условіяхъ.

Ю. Жуковскій.